

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
"Российский университет транспорта"

ПОИСК

Политика. Обществоведение. Искусство.
Социология. Культура

Выпуск №4(99)

Июль-Август

Москва
2023

УДК 316:7.06:32
ББК 60:63:66:71:85
П 71

Редколлегия журнала:

Маршак А.Л. (главный редактор, д.ф.н, профессор),
Горбунов А.А. (первый заместитель главного редактора, д.п.н, профессор) Сергеев В.К. (заместитель главного редактора, д.с.н.),
Анисимова Т.Г. (заместитель главного редактора, д.с.н., профессор), Евлаев А.Н. (ответственный секретарь, к.пол.н., доцент),
Кравченко С.А. (д.ф.н., профессор), Кретов Б.И. (д.ф.н., профессор),
Ксенофонтов В.Н. (д.ф.н., профессор) Минералов В.Ю. (к.соц.н.)
Рожкова Л.В. (д.соц.н., профессор) Гузенина С.В. (д. соц. н.)

ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура: научный и социокультурный журнал // М.: РУТ (МИИТ), 2023. – Вып. №4(99). – 98 с.

Научный и социокультурный журнал «ПОИСК» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации по решению Президиума ВАК от 11.04.2023 года.

Журнал рассчитан на работников культуры, искусства, науки, образования, студентов и аспирантов гуманитарных вузов, а также на всех, кто в той или иной степени участвует в процессах организации, планирования, законотворчества в социально-культурной сфере.

ISSN 2072-6015

© Российский университет транспорта (РУТ (МИИТ))

The editorial board

Marshak A.L. (Chief Editor, Ph. D., Professor), Gorbunov A.A. (the first Deputy Chief Editor, D. P. N., Professor), Sergeev V.K. (Deputy Chief Editor, Doctor of Social Sciences), Anisimova T. G. (Deputy Chief Editor, Doctor of Social Sciences, professor), Evlaev A.N. (Executive Secretary, Candidate of Political Science, Associate Professor), Kravchenko S.A. (Doctor of Philosophy, Professor), Kretov B.I. (Doctor of Philosophy, Professor), Ksenofontov V.N. (Doctor of Philosophy, Professor), Mineralov V. U. (candidate of Social Sciences), Rozhkova L.V. (Doctor of Social Sciences, Professor), Guzenina S. V. (candidate of Social Sciences)

«P.O.I.S.K.» (Policy. Social Science. Art. Sociology. Culture.): scientific and socio-cultural journal: M.: RUT (MIIT), 2023. – Edition 4(99). – 98 p.

Scientific, social and cultural magazine "P.O.I.S.K." is included in the List of leading reviewed scientific journals and publications of Higher attestation Commission of the Ministry of education and science of the Russian Federation on the decision of the Presidium of the HAC from 11 Apr. 2023.

The magazine is intended for workers of culture, art, science, education, students and post-graduate students of humanitarian universities, as well as for everyone who participates to some extent in the processes of organization, planning, law-making in the socio-cultural sphere.

ISSN 2072-6015

© Russian university of transport (RUT (MIIT))

ОБЩЕСТВЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Сопредседатели Совета

Горбунов А.А. Доктор политических наук, профессор, директор Академии базовой подготовки РУТ (МИИТ), член Российской Академии транспорта, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Иванов В.Н. Член-корреспондент РАН, советник РАН, главный редактор журнала «Наука. Культура. Общество», доктор философских наук, профессор

Члены Совета

Вдовиченко Л.Н. Доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой политической социологии и социальных технологий РГГУ

Зубок Ю.А. Доктор социологических наук, профессор, зам. председателя Экспертного совета ВАК, заместитель директора ФНИСЦ ИС РАН

Запесоцкий А.С. Член-корреспондент РАН, доктор культурологии, профессор, ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

Кулашик Петер Доктор политологии, профессор, декан факультета международных отношений Университета имени Матея Бела, главный редактор журнала «Политика и наука», Баньска-Быстрица, Словакия

Маршак А.Л. Главный научный сотрудник ИС РАН - ФНИСЦ РАН, действительный член Российской академии социальных наук, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, член союза писателей России

Миронов А.В. Главный редактор журнала «Социально-гуманитарные знания», доктор социологических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, член союза писателей России

Нарбут Н.П

Заведующий кафедрой социологии РУДН, действительный член Российской академии социальных наук, доктор социологических наук, профессор, член Союза писателей России

Смолин О.Н.

Доктор философских наук, профессор, академик РАО, член общественного редакционного совета, первый заместитель председателя комитета по образованию ГД РФ

Сосунова И.А.

Действительный член Международной академии наук, Академии политической науки, доктор социологических наук, профессор

Голенкова З.Т.

доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук

Шабров О.Ф.

Доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой РАНХиГС, Президент Академии политической науки

Шувакович Урош

Член-корреспондент Сербской академии образования, профессор Белградского университета, кафедра философии и социальных наук

COMMUNITY EDITORIAL BOARD

Co-Chairmen of the council

Gorbunov A.A.

Doctor of Political Sciences, Professor, Director of the Basic Training Academy RUT (MIIT), member of the Russian Academy of Transport, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

Ivanov V.N.

Corresponding Member of ISRAS - FCTAS RAS, Adviser Russian Academy of Sciences, editor in chief of the journal «Science. Culture. Society», Doctor of Philosophy, Professor

The council members

Vdovichenko L.N.

Doctor of Social Sciences, Professor, head of the department of the Faculty of Political Sociology Russian State Humanitarian University

Zubok Ju. A.

Doctor of social Sciences, Professor, member Of the expert Council of the higher attestation Commission, Deputy Director of FNMC IS RAS

Zapesotskiy A.S.

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Cultural Studies, Professor, Rector of St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions

Kulashik Peter

Doctor of Political Sciences, Professor, Dean of the Faculty of International Relations, University of Matej Bel, the editor in chief of the journal «Politics and Science», Banska Bystrica, Slovakia

Marshak A.L.

Senior Researcher of ISRAS - FCTAS RAS, member of the Russian Academy of Social Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, a member of the Writers' Union of Russia

Mironov A.V.

Chief editor of «Social and Humanities», Doctor of Social Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, a member of the Writers' Union of Russia

Narbut N.P.

Head of the Department of Sociology Peoples' Friendship University, member of the Russian Academy of Social Sciences, Doctor of Sociology, professor, member of the Writers' Union of Russia

Smolin O.N.

Doctor of Philosophy, professor, member public editorial board, the first deputy chairman of the Education Committee of the State Duma

Sosunova I.A.

Member of the International Academy of Sciences, the Academy of Political Science, Doctor of Social Sciences, Professor

Golenkova Z.T.

Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Center for the Study of Social Structure and Social Stratification of the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences

Shabrov O.F.

Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, President of the Academy of Political Science, Deputy Chairman of the Expert Council of the Higher Attestation Commission of Political Science

Shuvakovich Urosh

Corresponding Member of the Serbian Academy of Education, Professor of the Belgrade University, Department of Philosophy and Social Sciences

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИКА И ОБЩЕСТВО

- МИНЧЕНКОВ Е.Н.** Концептуальное обоснование и влияния лоббизма на политический процесс.....10
- ФЕДЯКИН А.В.** Предметное поле российской политической регионалистики: между попытками демаркации и признанием трансграничности.....19

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

- ВОЙТОВ А.В.
ДЕМИДОВ Н.Н.** Изучение нравственных аспектов ценностных ориентаций современного поколения российской молодежи (социологический анализ).....31

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

- ЕФРЕМОВА А.С.
ЛИТВИНОВА М.В.** Особенности манипулятивного поведения студентов.....39

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННЫХ ПРОЦЕССОВ

- НИКИТЕНКОВА М.А.** Глобальные вызовы киберпространства в условиях новых социально-политических изменений.....45
- ФИЛИППОВ А.А.** Функциональные противоречия института образования в современном российском обществе.....56

АСПЕКТЫ

- СЕМЧЕНКОВ А.С.** Господство в Евразии: основные критерии.....66
- ФЕДЯКИН И.В.** Государственная информационная политика России: вызовы современности и возможности использования отечественного опыта.....79

КОНФЕРЕНЦИИ. СЕМИНАРЫ. СИМПОЗИУМЫ.....92

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ.....94

CONTENTS

POLITICS AND SOCIETY

- MINCHENKOV E.N.*** Conceptual rationale and the impact of lobbyism on the political process.....12
- FEDYAKIN A.V.*** The subject field of Russian regional political studies: between attempts.....19

SOCIOLOGY OF CULTURE

- VOYTOV A.V.*** Social space in the conditions of innovative economy: problems of creative personality.....31
- DEMIDOV N.N.***

SOCIOLOGY OF EDUCATION

- EFREMOVA A.S.*** Features of manipulative behavior students.....39
- LITVINOVA M.V.***

PROBLEMS OF MODERN PROCESSES

- NIKITENKOVA M.A.*** Global cyberspace challenges in the context of new socio-political changes.....45
- FILIPPOV A.A.*** Functional contradictions of the institute of education in modern russian society.....56

ASPECTS

- SEMCHENKOV A.S.*** Dominance in Eurasia: main criteria.....66
- FEDYAKIN I.V.*** State information policy of Russia: challenges of modernity and the possibility of using domestic experience.....79

CONFERENCES. SEMINARS. SYMPOSIUMS.....92

RULES OF PUBLICATION.....94

*МИНЧЕНКОВ Егор Николаевич
аспирант , Ленинградский
государственный университет
имени А.С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Россия
project.edu.2024@gmail.com*

*MINCHENKOV Egor Nikolaevich
Postgraduate student, Leningrad
State University named after A.S.
Pushkin, Saint Petersburg, Russia
project.edu.2024@gmail.com*

Концептуальное обоснование и влияния лоббизма на политический процесс / Conceptual rationale and the impact of lobbyism on the political process

Аннотация

В статье автор рассматривает современные концепции и теории лоббизма, трактовки лоббизма в контексте политического процесса. В статье автор выделяет основные критерии лоббизма. Проанализировано значение групп интересов, оказывающих влияния на политический процесс. Автор в статье анализирует общетеоретические концепты анализа института лоббизма: теория групп, плюралистическая теория и лоббизм, корпоративистская теория, теория политических сетей. В статье автор констатирует, что лоббизм в современных условиях обладает значительным потенциалом политического или корпоративного компромисса, лоббизм является высокоэффективным инструментом реализации политических интересов групп влияния, позволяющим достичь поставленных целей. Лоббизм обладает коалиционным потенциалом, интегрирующим порой разных политических акторов с разными позициями, но объединяющихся под влиянием обстоятельств для достижения тактических целей.

Ключевые слова

Лоббизм; группы влияния; политический процесс; политические решения.

Abstract

In the article, the author considers modern concepts and theories of lobbying, interpretations of lobbying in the context of the political process. In the article the author highlights the main criteria of lobbying. The importance of interest groups influencing the political process is analyzed. The author in the article analyzes the general theoretical concepts of the analysis of the institution of lobbying: group theory, pluralistic theory and lobbying, corporatist theory, political network theory. In the article, the author states that lobbying in modern conditions has a significant potential

for political or corporate compromise, lobbying is a highly effective tool for realizing the political interests of influence groups, allowing you to achieve your goals. Lobbying has coalition potential, sometimes integrating different political actors with different positions, but uniting under the influence of circumstances to achieve tactical goals.

Keywords

Lobbying; influence groups; political process; political decisions.

Современные исследователи всё больше внимания уделяют лоббизму, различные авторы исследователи стараются концептуализировать феномен лоббизма в рамках современных политических теорий.

Феноменология лоббизма так или иначе затрагивается и рассматривается в таких теориях как теория корпоративизма, теория плюрализма, теория элит, теория политических сетей и множество других.

Лестер В. Милбрат предлагает четыре критерия, которым должно соответствовать лоббирование. Во-первых, лоббирование связано с принятием государственных решений. Во-вторых, лоббирование направлено на то, чтобы оказывать влияние на государственную политику. В-третьих, лоббирование практикуется с использованием посредника или представителем интересов бизнеса, граждан и политиков, такими как группа интересов. В-четвертых, лоббирование включает в себя акт коммуникации, взаимодействия заинтересованных сторон¹. Джон Р. Райт выделял роль информации в лоббировании, отмечая при этом, что лоббирование существует для того, чтобы предоставлять политикам соответствующую актуальную, экспертную информацию, уменьшая политическую неопределенность, с которой сталкиваются политики, что способствует повышению эффективности политического процесса и точности достижения результатов политики².

Политологи проанализировали лоббирование с использованием методов теории игр, в т.ч. на основе приемов динамической сигнальной игры³. В этой теории лоббирование моделируется как стратегическая передача информации. Заинтересованная группа получает дорогостоящую частную информацию о возможных результатах реализации политического решения или общественного мнения избирательного округа и передает ее законодателям, в целях изменения их политических предпочтений. Холл и Дирдорф писали, что предоставление экспертной информации в части политического анализа, политической информации законодателям как участникам процесса лоббирования существенно увеличивает их влияние и

¹ Milbrath, Lester W. The Washington Lobbyists. Rand McNally, 1963.

² Wright, John R. Interest groups and Congress: Lobbying, contributions, and influence. Allyn & Bacon, 1996.

³ Hall R. L., Deardorff, A. V. Lobbying as legislative subsidy. American Political Science Review, 2006. №100(1), 69–84.

ресурсы на уровне законодательного процесса и позволяет им более активно продвигать цели группы¹.

Лоббистами могут считаться те организованные группы интересов, которые формируют интерес и оказывают влияние на государственную политику для обращения собственной выгоды путем выполнения одной или нескольких из следующих функций: прямого контакта с государственными должностными лицами, мониторинга политической и государственной деятельности, консультирования по политическим стратегиям и тактикам, разработке и организации лоббистских усилий группы. Данный контекст основывается на том преимуществе, что использует поведенческий подход, который является более широким и гибким по сравнению с более формальными подходами к определению лоббизма.

В рамках теории групп лоббизм рассматривал американский исследователь А. Бентли, который ввёл понятие групп интересов и под которыми понимал всё разнообразие организованных групп граждан, имеющих конкретные и определённые цели и требования перед органом публичной власти². Таким образом, данные группы интересов оказывают влияние на политические решения правительства склоняя его принимать наиболее выгодные для них альтернативы решений.

Таким образом, политические решения в контексте групп интересов перестают быть прерогативой институтов власти, а представляют собой широкий спектр компромиссов различных групп влияния и групп давления, оказывающих и сопровождающих выбор альтернативы при принятии политических решений органами публичной власти.

Группы влияния характеризуется осознанными интересами и стремлениями кооперироваться при наличии общих интересов и характеризуется выбором общей политической стратегии в целях их достижения.

Как отмечают другие политологи, группы интересов способны скорректировать недостатки конкурентного рынка и саморегулирующуюся свободную рыночную систему. Таким образом, зачастую группы давления, а, соответственно, и лоббизм, посредством своих профессиональных объединений способны корректировать государственную политику в различных её направлениях³.

С другой стороны, отдельные авторы говорят о зависимости групп интересов от институтов власти, поскольку именно институты власти

¹ Hall R. L., Deardorff, A. V. Lobbying as legislative subsidy. *American Political Science Review*, 2006. №100(1), 69–84.

² Bentley A. *The Process of Government*. Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1967

³ См.: Junk, W.M. Correction to: Synergies in lobbying? Conceptualising and measuring lobbying coalitions to study interest group strategies, access, and influence. *Int Groups Adv*. 2022. №11. Pp.177–178; Sabatier Paul, Brasher Anne. From Vague Consensus to Clearly-Differentiated Coalitions: Environmental Policy at Lake Tahoe, 1964-1985/ In P. Sabatier and H. Jenkins-Smith, eds./ *Policy Change and Learning*, Boulder: Westview Press. 1993. pp. 149-17

концентрируют у себя основные ресурсы государства. Современные исследования лоббизма и групп интересов концентрируются на описании политического феномена и выявления связей, которые возникают между всеми участниками группы интересов¹.

Наиболее ярко проявляются такие группы лоббистов как группы давления, ассоциации бизнеса, отраслевые организации, которые осуществляют активное воздействие на органы власти зачастую в долгосрочной перспективе².

Сторонники функционального подхода, рассматривают в качестве критерия функцию группы по оказанию влияния на органы власти, при этом к группам интересов относятся все социальные организованные общности, стремящиеся в рамках единого интереса оказать влияние на политический процесс без прямого завоевания власти³.

Знаменитый исследователь Чарльз Линдблум рассматривает группу интересов сквозь призму их институционализации, обнаруживая при этом, что государственный аппарат, чиновники, государственные агентства и государственные департаменты также представляют собой группы интересов, зачастую выражающие интересы конкретных лоббистских групп⁴.

В рамках теории плюрализма лоббизм рассматривается как спонтанная организация групп интересов с целью получения того или иного ресурса. Данные группы лоббистов действуют независимо от государства, самостоятельно выражают свои интересы, выбирают лидеров и так далее. Плюралистическая теория или теория плюрализма своё внимание акцентирует на достаточно устойчивых отношениях между органами публичной власти с одной стороны, и группами интересов с другой.

Сторонники теории плюрализма считают, что граждане вправе и могут отстаивать, реализовывать свои интересы посредством объединения в группы давления, тем самым объединяясь для продвижения своих интересов, получают возможность оказывать влияние на политический процесс⁵.

Сторонники плюралистического подхода, основываясь на распределении власти в обществе, с одной стороны, определяют отсутствие монополии на власть какой-либо определённой группы, с другой стороны, признают существование различных конкурентных

¹ Wright, John R. Interest groups and Congress: Lobbying, contributions, and influence. Allyn & Bacon, 1996.

² Большаков, С. Н. Феномен лоббирования в странах Восточной и Центральной Европы: социологические оценки эффективности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 2(132). – С. 92-110.

³ GR и лоббизм: теория и технологии : Учебник и практикум / В. А. Ачкасова, И. Е. Минтусов, О. Г. Филова [и др.]. – 1-е издание. – Москва : Издательство Юрайт, 2016. – 315 с.

⁴ См. : GR и лоббизм: теория и технологии : Учебник и практикум / В. А. Ачкасова, И. Е. Минтусов, О. Г. Филова [и др.]. – 1-е издание. – Москва : Издательство Юрайт, 2016. – 315 с.

⁵ Толстых П.А. GR. Полное руководство по разработке государственно-управленческих решений, теории и практике лоббирования. М. Изд-во «Перо». 2019. С. 1244

центров власти, которые стремятся контролировать деятельность друг друга.

Именно в силу данного подхода зачастую демонстрируется эффективность небольших или незначительных групп давления, не обеспеченных соответствующими ресурсами, но способными эффективно противостоять крупным корпоративным структурам или их ассоциациям в конкуренции за необходимое политическое решение.

Таким образом, конкуренция между различными группами лоббистов подтверждает наличие определённого плюрализма в реальном политическом процессе, где не всегда ведущую роль играет крупный корпоративный бизнес. Представители теории корпоративизма основной упор делают на роли органов государственной власти, которые не просто проводники сторонних интересов, а являются активными участниками, регулирующими взаимоотношения между различными группами лоббистов, политическими и бизнес-ассоциациями¹. Теория корпоративизма позволяет достаточно детально проанализировать деятельность крупных ассоциативных групп, лоббирующих и сопровождающих те или иные политические решения, оценить их эффективность выявить мотивацию и стратегию их поведения в той или иной политической ситуации.

Теория корпоративизма тем важна, что позволяет выявить и раскрыть потенциал лоббизма в политическом процессе, что характерно как для стран с авторитарным политическим режимом, так и для стран с демократическим режимом правления. В последнее время всё большую популярность приобретает теория политических сетей, которая интерпретирует систему коммуникаций между входящими в сеть акторами. Анализ разнообразия этих связей при отсутствии иерархических организованных систем управления и соподчинения показал, что политические сети, как отмечают отдельные исследователи, представляют собой альянсы политических акторов, которые концентрируются вокруг общих стратегических интересов и характеризуется высокой степенью устойчивости.

Концепция сетевого подхода акцентирует внимание на том, что в условиях современного, сложно организованного мира сетевая форма организации общества является доминирующей. Государство, производя услуги по запросу граждан, всё больше становится зависимым от других субсистем и политических и социально-политических акторов². По мере усложнения общественных связей можно говорить о взаимозависимости частных и общественных акторов, когда не являются эффективными структурами ни рынок, ни иерархия, призванные координировать соответствующие интересы различных акторов в процессе производства политических решений.

¹ Перегудов С.П., Лапина Н.Ю., Семененко И.С. Группы интересов и российское государство -М.: Эдиториал УРСС, 1999. с.352

² Васецкий А.А. Лоббизм в политическом процессе современной России// Управленческое консультирование. СПб., СЗАГС. 2008.с. 80-97

Теория политических сетей в контексте изучения лоббизма интересна тем, что является достаточно гибким концептом по сравнению с теорией плюрализма или корпоративизма, и отражает в себе всю сложность взаимовлияний, взаимодействий, взаимоотношений между группами интересов и государством.

Теория политических сетей позволяет рассматривать публичных акторов сквозь призму политической сети как равноправных участников переговорного процесса, обладающих равными статусами. Также следует отметить, что лоббизм и исследование лоббизма, может быть проведено в контексте теории политической ренты - базовые положения, соответствующие теории, разработаны Г. Талокком¹.

Данная концепция извлечения ренты позволяет объяснить политическую и экономическую мотивацию и способы извлечения прибыли, которые превышают конкурентный уровень, сложившийся на рынке посредством оказания влияния на принимаемые органами государственной власти политические решения. Феномен политической ренты, извлекаемый как государственным аппаратом, так и лоббистами, в зарубежной и отечественной практике, хорошо описан, поскольку зачастую принимаемые политические решения направлены на получение бюджетного финансирования для тех или иных реализуемых проектов или введение сложных регуляторных практик для тех или иных рыночных отраслей, что существенно ограничивает конкуренцию для иных субъектов рыночных отношений, или принятия конкретных законодательных решений благоприятствующих лоббистам для работы на рынке.

Концепция политической ренты основывается на предпосылках её вымогательства у государства лоббистами и институциональными структурами лоббистов, в связи с тем, что именно государство обладает монопольным правом на легитимное насилие и перераспределение государственных ресурсов. Концепция политической ренты позволяет не только выявить мотивы деятельности групп давления лоббистов, но и раскрыть содержание и суть принятых политических решений, оказывающих влияние на систему рыночных отношений независимо от типа политического режима.

В заключение хочется отметить, что, как показывают исследования, прямое лоббирование в большинстве случаев оказывает сильное или незначительное влияние на политический процесс. Доверие к представителям заинтересованных групп является наиболее важным. Политики никогда не полагаются на представителей групп без доверия. Когда представители групп влияния и лоббисты располагают конкретными фактами по интересующему их вопросу, которые представляют ценность для органов власти, их послание с большей вероятностью будет воспринято органами публичной власти. Политические группы интересов должны сотрудничать с

¹ GR и лоббизм: теория и технологии : Учебник и практикум / В. А. Ачкасова, И. Е. Минтусов, О. Г. Филатова [и др.]. Москва : Издательство Юрайт, 2016. с.315

другими группами политических акторов, конкурентов, лоббистов для достижения поставленных собственных целей. Создание лобби-коалиций может увеличить ресурсы группы и укрепить легитимность результатов¹. Лоббирование — это деятельность или комплекс коммуникативных технологий и мероприятий, направленных на оказание влияния на публичных политиков в их политических стратегиях действий и принятия политических решений. Стратегия лоббирования или стратегия влияния — это общий подход, который группа интересов использует для достижения своих политических целей. Эмпирически такие стратегии можно рассматривать как конкретные действия, осуществляемые группами или лоббистами, действующими от имени групп. Важным является то, что понимание как работает лоббизм в конкретной политической системе, может многое сказать о практиках функционирования политической системы.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Bentley A. The Process of Government. Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1967
2. Berry Jeffrey M. Lobbying for the people: The political behavior of public interest groups. Princeton University Press, 2015.
3. Hall R. L., Deardorff, A. V. Lobbying as legislative subsidy. American Political Science Review, 2006. №100(1), 69–84.
4. Junk, W.M. Correction to: Synergies in lobbying? Conceptualising and measuring lobbying coalitions to study interest group strategies, access, and influence. Int Groups Adv. 2022. №11. Pp.177–178
5. Milbrath, Lester W. The Washington Lobbyists. Rand McNally, 1963.
6. Sabatier Paul, Brasher Anne. From Vague Consensus to Clearly-Differentiated Coalitions: Environmental Policy at Lake Tahoe, 1964-1985/ In P. Sabatier and H. Jenkins-Smith, eds./ Policy Change and Learning, Boulder: Westview Press. 1993. pp. 149-176
7. Wright, John R. Interest groups and Congress: Lobbying, contributions, and influence. Allyn & Bacon, 1996.
8. Yoshioka T. Lobbying. In: Anheier, H.K., Toepler, S. (eds) International Encyclopedia of Civil Society. Springer, New York, NY. 2010
9. GR и лоббизм: теория и технологии : Учебник и практикум / В. А. Ачкасова, И. Е. Минтусов, О. Г. Филатова [и др.]. – 1-е издание. – Москва : Издательство Юрайт, 2016. – 315 с. ISBN 978-5-9916-6627-5
10. Большаков, С. Н. Исследование информационной поддержки процесса лоббирования в странах ЕС // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2016. № 1. – С. 104-108
11. Большаков, С. Н. Феномен лоббирования в странах Восточной и Центральной Европы: социологические оценки эффективности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 2(132). – С. 92-110.
12. Большакова, Ю. М. Лоббизм и GR-практики в странах Восточной Европы и Прибалтики: политико-социологический анализ // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология.

¹ Большаков, С. Н. Исследование информационной поддержки процесса лоббирования в странах ЕС // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2016. № 1. – С. 104-108

2017. Т. 23, № 3. – С. 174-199.

13. Васецкий А.А. Лоббизм в политическом процессе современной России// Управленческое консультирование. СПб., СЗАГС. 2008.с. 80-97

14. Перегудов С.П. Лоббизм российского крупного бизнеса в ЕС// МЭиМО. №9. 2009. С. 49-63

15. Перегудов С.П., Лапина Н.Ю., Семененко И.С. Группы интересов и российское государство -М.: Эдиториал УРСС, 1999.352 с.

16. Толстых П.А. GR. Полное руководство по разработке государственно-управленческих решений, теории и практике лоббирования. М. Изд-во «Перо». 2019. С. 1244

17. Шохин А.Н., Королев Е.А. Взаимодействие бизнеса и власти в Европейском союзе. М.: издательский дом ГУ ВШЭ, 2008. – С. 88-89.

REFERENCES

1. Bentley A. The Process of Government. Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1967

2. Berry Jeffrey M. Lobbying for the people: The political behavior of public interest groups. Princeton University Press, 2015.

3. Hall R. L., Deardorff, A. V. Lobbying as legislative subsidy. American Political Science Review, 2006. No. 100(1), 69–84.

4. Junk, W.M. Correction to: Synergies in lobbying? Conceptualising and measuring lobbying coalitions to study interest group strategies, access, and influence. Int Groups Adv. 2022. No. 11. Rs.177-178

5. Milbrath, Lester W. The Washington Lobbyists. Rand McNally, 1963.

6. Sabatier Paul, Brasher Anne. From Vague Consensus to Clearly-Differentiated Coalitions: Environmental Policy at Lake Tahoe, 1964-1985/ In P. Sabatier and H. Jenkins-Smith, eds./ Policy Change and Learning, Boulder: Westview Press. 1993.pp. 149-176

7. Wright, John R. Interest groups and Congress: Lobbying, contributions, and influence. Allyn & Bacon, 1996.

8. Yoshioka T. Lobbying. In: Anheier, H.K., Toepler, S. (eds) International Encyclopedia of Civil Society. Springer, New York, NY. 2010

9. GR and lobbying: theory and technology: Textbook and workshop [GR i lobbizm: teoriya i tekhnologii : Uchebnik i praktikum]/ V. A. Achkasova, I. E. Mintusov, O. G. Filatova [and others]. – 1st edition. - Moscow: Yurayt Publishing House, 2016. - 315 p. ISBN 978-5-9916-6627-5

10. Bolshakov, S. N. Study of information support for the lobbying process in the EU countries [*Issledovanie informacionnoj podderzhki processa lobbirovaniya v stranah ES*]/ Alma Mater (Vestnik vysshei shkoly). 2016. No. 1. - P. 104-108

11. Bolshakov, S. N. The phenomenon of lobbying in the countries of Eastern and Central Europe: sociological assessments of effectiveness [*Fenomen lobbirovaniya v stranah Vostochnoj i Central'noj Evropy: sociologicheskie ocenki effektivnosti*] // Monitoring of public opinion: economic and social changes. 2016. No. 2(132). - S. 92-110.

12. Bolshakova, Yu. M. Lobbying and GR practices in the countries of Eastern Europe and the Baltic states: political and sociological analysis [*Lobbizm i GR-praktiki v stranah Vostochnoj Evropy i Pribaltiki: politiko-sociologicheskij analiz*] // Moscow University Bulletin. Series 18. Sociology and political science. 2017. V. 23, No. 3. - S. 174-199.

13. Vasetsky A.A. Lobbying in the political process of modern Russia [*Lobbizm v politicheskom processe sovremennoj Rossii*] // Management consulting. SPb., SZAGS. 2008.p. 80-97

14. Peregudov S.P. Lobbying of Russian big business in the EU [*Lobbizm rossijskogo krupnogo biznesa v ES*]//MEiMO. No. 9. 2009. S. 49-63

15. Peregudov S.P., Lapina N.Yu., Semenenko I.S. Interest groups and the Russian state [*Gruppy interesov i rossijskoe gosudarstvo*] - M.: Editorial URSS, 1999.352 p.

16. Tolstykh P.A. G.R. A complete guide to the development of public management decisions, the theory and practice of lobbying [*GR. Polnoe rukovodstvo po razrabotke gosudarstvenno-upravlenneskih reshenij, teorii i praktike lobbirovaniya*]. M. Publishing House "Pero". 2019. S. 1244

17. Shokhin A.N., Korolev E.A. Interaction between business and government in the European Union [*Vzaimodejstvie biznesa i vlasti v Evropejskom soyuze*]. M.: HSE Publishing House, 2008. - P. 88-89.

*ФЕДЯКИН Алексей Владимирович
доктор политических наук,
профессор, заведующий
кафедрой «История»,
Российский университет
транспорта, Москва, Россия
Politologia-MIIT@yandex.ru*

*FEDYAKIN Aleksey Vladimirovich
doctor of political sciences, profes-
sor, head of department «History»,
Russian university of transport,
Moscow, Russia
Politologia-MIIT@yandex.ru*

**Предметное поле российской политической
регионалистики: между попытками демаркации и
признанием трансграничности / The subject field of
Russian regional political studies: between attempts to
demarcation and recognition of cross-border**

Аннотация

В статье обозначается проблема незавершенности процесса определения предметного поля такого комплексного направления научных исследований в рамках политологии, как политическая регионалистика. Особо отмечается специфика отечественной политической регионалистики, ее становления в 1990-е гг. и текущего этапа развития. Автором предлагается развивать междисциплинарность региональных политических исследований и поддерживать имеющуюся тенденцию к их предметной трансграничности.

Ключевые слова

Политическая регионалистика; отечественная политология; предметное поле; междисциплинарность.

Abstract

The article identifies the problem of the incompleteness of the process of determining the subject field of such a complex direction of scientific research in the framework of political science as regional political studies. The specifics of the domestic regional political researches, its formation in the 1990s and the current stage of development are particularly noted. The author proposes to develop the interdisciplinarity of regional political studies and maintain the existing trend towards their subject cross-border nature.

Keywords

Regional political studies; domestic political science; subject field; interdisciplinarity.

Общеизвестно, что выделение в отечественной политической науке региональных политических исследований как ее самостоятельного направления стало наблюдаться в начале 1990-х гг. – собственно, примерно тогда же, когда и сама по себе политология приступила к активному предметному, методологическому и понятийному обособлению от других наук (прежде всего от истории, соци-

ологии, философии, правоведения и т.д.). С известной долей иронии можно сказать, что наступившая в стране на рубеже двух последних десятилетий минувшего века эпоха «парада суверенитетов» затронула и сферу социально-гуманитарного знания, в которой стали разворачиваться процессы «деления», «отпочкования» и т.д. Правда, уже без иронии, имеется достаточно оснований говорить о том, что причины и сущность этого «парада суверенитетов» как явления российской политики тех лет не могли быть познаны в полной мере без соответствующего аналитического инструментария, который в конечном итоге и был в той или иной степени предложен ставшей обретать черты «суверенитета» политологией.

Парадоксально, однако, что за более чем три десятилетия с начала институционализации российской политической науки и активизации внутри нее процесса предметной дифференциации вопрос об окончательном конституировании региональных политических исследований как самостоятельного направления в рамках политологии так и не закрыт. То тут то там раздаются голоса – прежде всего самих представителей академического политологического сообщества – о сохраняющейся недостаточной степени зрелости политической регионалистики¹. И хотя «Практически все исследователи отмечают, что изучение региональной политической реальности невозможно без комплексного междисциплинарного подхода»², однако при этом нередко констатируется, что «российская научная школа во многом подражательна по отношению к исходной западной»³. Да и самими региональными исследованиями, прежде всего в их прикладной части, продолжают заниматься представители самых разных профессий⁴. А частые пересмотры номенклатуры

¹ См., например: Гельман В.Я., Рыженков С.И. Политическая регионалистика России: история и современное развитие // Политическая наука. М., 1999. С. 173–255; Дахин А.В. Политическая регионалистика в России: на пути к устойчивой научной полноте // Структурные трансформации и развитие отечественных школ политологии: Научное издание / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. М.: Аспект Пресс, 2015. С. 274–311; и др.

² Труханов В.А. Институционализация политической регионалистики // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 1. С. 214.

³ Баранов А.В. Становление политической регионалистики в постсоветской России // Человек. Сообщество. Управление. 2006. № 4. С. 95.

⁴ Впрочем, это свойственно и другим направлениям политической науки. В современной России, в том числе не без помощи ставшего популярным жанра политических телешоу и в целом из-за специфической деятельности масс-медиа, направленной прежде всего на максимизацию доходов от рекламы в «прайм-тайм», «политологом» фактически может называть себя любой – от инженера-строителя до акушера-гинеколога (но, к счастью, последние, в отличие от «передовых» стран Западной Европы, у нас еще не достигли вершин власти). В целом же можно согласиться с Р.Ф. Туровским, который отмечает, что «необязательно все работы, в которых говорится о регионах, должны считаться регионалистикой», а также что «пример отдельно взятого региона еще не является политической регионалистикой» (цит. по: Туровский Р.Ф. О состоянии и перспективах политической регионалистики // Политическая наука. 2011. № 4. С. 10, 19).

научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, равно как и издание все новых федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования по направлению подготовки «Политология» и соответствующих учебных планов вузов, где политическая регионалистика то появляется, то исчезает, то выходит вперед, то отодвигается на задворки – дополнительное подтверждение неопределенности и подвижности ее дисциплинарного статуса¹.

Соответственно, не стоит удивляться ни сохраняющемуся на четвертом десятке лет развития современной российской политологии в целом и политической регионалистики в частности чрезвычайному разбросу мнений о предметном поле, ни сосуществованию в отечественном политологическом дискурсивном пространстве противоположных и даже противоречивых концепций, принципиально полярных подходов, расходящихся идейно-ценностных установок и пр., причем подчас при полном игнорировании друг друга. Последнее, кстати сказать, находит свое выражение в том числе на уровне профессиональных коммуникаций: разного рода политологических ассоциаций, академий, союзов и т.д. создано к настоящему времени великое множество – и внутри Садового кольца, и далеко за его пределами; все они позиционируют себя в качестве «центров», «главных объединителей» и т.п. всех политологов страны, но в действительности таковыми не являются. Схожая картина и на уровне индивидуальных исследований: автор, являясь на протяжении нескольких лет членом Экспертного совета ВАК по политологии, неоднократно наблюдал в диссертациях тенденцию к упоминанию в степени научной разработанности и к включению в списки источников и литературы лишь представителей «своего» круга – научных руководителей, коллег по вузу, географически и организационно близких структур и т.д., причем нередко такие публикации были далеки от темы защищаемой работы. Авторы же, непосредственно и на протяжении многих лет занимающиеся профильными политологическими исследованиями, но не являющиеся «своими», для целого ряда диссертантов как будто не существуют вовсе...

С учетом очевидной незавершенности структурирования пространства отечественной политологии, а также наблюдаемых внутри него разнонаправленных процессов и весьма противоречивых тенденций, заметно усилившихся под влиянием последних событий внутри страны и на международной арене, востребованным становится

¹ Кстати сказать, аналогичная ситуация наблюдается и в целом ряде других областей знания: «в отечественной науке и отечественном высшем образовании регионалистика в отдельности практически не встречается», а выступает лишь «терминологическим дополнением» для отдельных дисциплин (например, «Экономическая география и регионалистика») (цит. по: Сидоров В.П., Брусенцова А.А. Региональные науки и экономическая география // Вестник Удмуртского университета. Серия Биология. Науки о Земле. 2010. Вып. 1. С. 52).

поиск хоть какой-то системы координат, самых общих фундаментальных оснований, которые принимались бы большинством представителей профессионального академического сообщества¹. В противном случае теоретико-методологические и идейно-концептуальные «разброд и шатание» в российском политологическом дискурсе будут продолжаться сколь угодно долго, новые «политологические сущности» – преимущественно конъюнктурно-ситуативного, откровенно спекулятивного и даже конспирологического характера – будут «плодиться и размножаться» до бесконечности, но их количество никогда не перерастет в качество. И – что самое страшное – необратимым станет закрепление за политологией в узком профессиональном и широком обыденном сознании статуса синонима пустословия и вообще ругательства (такие тенденции, увы, уже просматриваются).

В этом плане и для политической науки в целом, и для политической регионалистики как ее отдельного направления в частности необходим мега-синтетический подход, позволяющий «оторваться» от «насиженных мест» в политологическом пространстве, подняться над хаотично разбросанным по нему «делянками» и посмотреть за ставший для многих привычным в течение этих десятилетий горизонт².

Анализ заявленных к настоящему времени отечественными учеными и специалистами-практиками мнений относительно политической регионалистики позволяет говорить о том, что наиболее общим местом среди великого многообразия взглядов и суждений является признание ее в качестве «одного из направлений как политологии, так и регионалистики»³ (или регионоведения⁴). Что касается политологии, то тенденция к расширению ее предметного поля очевидна: в современных условиях главный объект политической науки – политика – проникает во все сферы общественной жизни (глупо отрицать политизацию, например, науки, культуры, медицины, спорта, транспорта и т.д.⁵). Одновременно в подавляющем большинстве

¹ При этом стоит согласиться с А.В. Барановым, подчеркивающим «недопустимость бюрократической единообразной схемы в преподавании, неправомерность претензий кого бы то ни было из российских исследователей на “классичность” своего опыта... Необходим творческий синтез достижений различных школ исследований в условиях российской социокультурной парадигмы» (цит. по: Баранов А.В. Становление политической регионалистики в постсоветской России // Человек. Сообщество. Управление. 2006. № 4. С. 99).

² Тем более, что «Дробление гуманитарных наук часто ведет к потере общих гуманитарных ориентиров» (цит. по: Павловский И.В. Социокультурное регионоведение как гуманитарная специальность // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 2. С. 102).

³ Медведев Н.П. Политическая регионалистика: Учебное пособие. М.: Альфа-М, 2005. С. 7; Штанько М.А. Политическая регионалистика: учебное пособие. Томск: Изд-во ТПУ, 2006. С. 16.

⁴ Труханов В.А. Институционализация политической регионалистики // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 1. С. 215.

⁵ Отсюда, собственно, и появление в конечном итоге множества отраслевых политик –

этих сфер существует пространственно-территориальное измерение, первичной (базовой) единицей которого чаще всего и выступает регион. Что же касается регионалистики, то представители классической географии – а именно она считается точкой отсчета региональных исследований¹ – полагают, что «регионалистика касается все ветвей науки – и естественных, и гуманитарных. Она охватывает части и тех и других, синтезирует их результаты и обеспечивает, таким образом, новое знание»².

Иными словами, получается, что политической сфере, помимо прочего, присуща региональность (находящая выражение в том числе в территориальной проекции конкретных явлений, пространственной локализации соответствующих процессов и т.д.), которая характерна также и для большинства иных важнейших сфер общественной жизни³. Соответственно, с одной стороны, политическая регионалистика неминуемо пересекается с другими более или менее сформировавшимися или обозначившимися к настоящему времени в науке профильными направлениями региональных исследований – отраслевыми регионалистами (таблица 1), а потому не может не учитывать их частные теории, отдельные методологические подходы, конкретные выводы и т.д.

Но с другой стороны, как видно из приведенной ниже таблицы, все направления профильных региональных исследований так или иначе содержат политическую составляющую (подчеркнем: здесь важны не столько ее количественные показатели, сколько сам факт ее наличия), прямо или косвенно испытывают на себе влияние мира политического инновационной, промышленной, языковой, конфессиональной, молодежной, семейной, транспортной и т.д.

¹ Например, согласно одной из точек зрения, «Регионалистика по своему характеру тяготеет к географии и может рассматриваться как ее вспомогательная дисциплина» (цит. по: Кефели И.Ф. Политическая регионалистика: учеб. пособие. СПб.: Балт. гос. техн. ун-т, 2005. С. 5). Также есть мнение, что «Неотъемлемой частью любых “регионоведческих конгломератов” всегда остается география», которая «служит аналитическим инструментарием для пространственной дифференциации регионов, определения их рубежей, конструирования искусственных регионов и т.п.» (цит. по: Зиневич О.В., Рузанкина Е.А. Регионоведение как комплекс исследовательских и учебных дисциплин в ракурсе междисциплинарности // Сравнительная политика – Comparative politics. 2014. № 3. С. 160). И в целом отмечается, что «Все наиболее славное в познании сути территориального возникло в лоне наиболее системоориентированной науки – географии» (цит. по: Лексин В.Н. К методологии исследования и регулирования процессов территориального развития // Регион: экономика и социология. 2009. № 3. С. 22).

² Чистобаев А.И. География и регионалистика // Региональные исследования. 2002. № 1. С. 6.

³ А применительно к политической сфере такой страны, как Россия, «отменить» значение территориального фактора для самого крупного по территории государства в мире невозможно, поскольку политическая регионалистика в значительной мере служит ответом на “вызовы” географического разнообразия региональных условий» (цит. по: Белявцева Д.А. Институционализация региональных политических исследований на постсоветском пространстве // Философско-гуманитарные науки: сб. науч. статей. Минск: РИВШ, 2017. Вып. 16. С. 21).

во всем его многообразии, что в конечном итоге не может не сказываться на их внутренней структуре, сущностных характеристиках, содержательных акцентах и т.д.

Таблица 1. Направления профильных региональных исследований(отраслевые регионалистики), представленные в отечественной науке¹.

Направление региональных исследований	Характеристика направления/предметная область исследования
Экономическая (институциональная) регионалистика	«...субнаправление институциональной экономики, исследующее проблемы регионального и местного развития с помощью категориального аппарата и методов институционального анализа» ² .
Социокультурная регионалистика	«Региональное самосознание... Этническая... гомогенность или гетерогенность регионального (местного) сообщества. ...поселенческая структура. ...способы ведения хозяйства... Местная языковая (лингво-диалектная) система (включая топонимы)... Конфессиональная структура... Региональные особенности... продуктов умственной деятельности людей... Региональные особенности материальной культуры... стереотипы усвоенного человеческого поведения» ³ .
Историческая регионалистика	Один из «возможных путей осмысления прошлого», предполагающий «рассмотрение истории России с точки зрения наличия в ней регионов – территорий, которые, составляя неразрывную часть страны, вместе с тем обладают политическими, хозяйственными, национальными, культурными и религиозными особенностями» ⁴ .
Историко-педагогическая регионалистика	«...раздел истории педагогики, занимающийся исследованием вопросов развития локальных систем образования» ⁵ .

¹ Сразу оговоримся, что данный перечень отраслевых регионалистик отнюдь не претендует на полноту и исчерпанность.

² Литвинцева Г.П. Институциональная экономическая регионалистика: основные направления исследований // Институциональная трансформация экономики: российский вектор новой индустриализации: материалы IV Международной научной конференции: в 2 ч. Ч. 2. Омск: ОГУ, 2015. С. 346.

³ Стрелецкий В.Н. Культурный регионализм: сущность понятия, проблемы изучения и система индикаторов // Псковский регионалистический журнал. 2012. № 14. С. 11.

⁴ Сафонов Д.А. Проблемы и сложности исторической регионалистики // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2014. № 2. С. 144.

⁵ Помелов В.Б. Методы современной историко-педагогической регионалистики // Вестник гуманитарного образования. 2015. № 2. С. 22.

Филологическая (лингвистическая) регионалистика	«Описание языкового пространства региона как части духовной культуры его жителей» ¹ .
Литературно-художественная (литературоведческая) регионалистика	«...изучение литературы, литературной жизни края в его исторических и современных географических границах» ² .
Криминологическая регионалистика	«...региональное измерение преступности, ее предупреждение, закономерности детерминации преступного поведения и его профилактики» ³ .

В этой связи представляется допустимым выдвинуть тезис о том, что в современных условиях именно политическая регионалистика способна стать в максимальной степени междисциплинарной, полиструктурной и комплексной областью теоретического и практического знания, имеющей наиболее динамичный объект исследования, наиболее гибкий теоретико-методологический инструментарий и наиболее подвижный категориально-понятийный аппарат. Учитывая всепроникающий характер политики в другие сферы общественной жизни, именно политическая регионалистика способна превратиться в своего рода «регионалистику регионалистик», наиболее открытую для восприятия методов, концептов, выводов и т.д. смежных, соседствующих в предметном поле дисциплин и одновременно готовую делиться с ними своими своими наработками, представлять результаты осуществляемых внутри нее процессов сопряжения различных по своему происхождению фундаментальных подходов и переосмысления практических моделей, их адаптации к конкретным запросам и т.д. А специфика объекта исследования – политического региона, заключающаяся в подвижности оснований для его выделения в пространстве как реальном, физическом (начиная от «всего, что меньше государства, но больше индивидуума и семьи»⁴ и заканчивая «региональными мирами»⁵), так и символическом (включая, например, выявление региональных и локальных идентичностей), но оттого не переставшим оказывать влияние на реальную политику – думается, усиливает эвристические возможности политической регионалистики, вытекающие из трансграничности ее предметного поля и связанных с

¹ Бахвалова Т.В. Лингвистическая регионалистика: из опыт преподавания // Ученые записки Орловского государственного университета. 2015. № 2. С. 116.

² Полякова Л.В. Филологическая регионалистика в системе гуманитарных наук. Научный доклад // Филологическая регионалистика. 2012. № 2. С. 10.

³ Федотов В.П. Криминологическая регионалистика как перспективное направление современной криминологии // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 2. С. 39.

⁴ Руцинская И.И. Регионоведение и краеведение: масштабы различий и форма взаимодействия // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 3. С. 10.

⁵ Подробно см.: Колдунова Е.В. Мировое комплексное регионоведение как исследовательский подход и учебная дисциплина // Вестник МГИМО. 2016. № 5. С. 63–69.

этим многоаспектностью, многоуровневостью, многоплановостью получаемого знания.

Выдвигая данный тезис, мы отнюдь не полагаем себя «первооткрывателями» и т.д. Как уже было отмечено отечественными исследователями, «Краткий исторический экскурс показывает, что на роль ведущей дисциплины междисциплинарного синтеза в российском регионоведении претендовали различные предметные области научного знания. К числу таковых относились география, востоковедение, экономические науки и науки политические»¹. Отдаем мы себе отчет и в том, что междисциплинарный характер политической регионалистики, полипарадигмальность ее теоретических оснований, трансграничность предметного поля и т.д. сами по себе отнюдь не являются гарантией снятия «эпистемологических проблем: интерпретации фактологического материала, теоретического описания, а также перевода с языка одной дисциплины на другой»². Более того, «сползание» политической регионалистики к простой, так сказать, механической сумме всех как уже имеющихся, так и могущих в обозримой перспективе выкристаллизоваться регионалистик – заведомо тупиковый путь ее развития, очередной повод говорить о ее «рыхлости», «аморфности», а с ней – и политологии в целом, опять-таки. Речь идет о том, чтобы, максимально эффективно используя комплексный характер региональных политических исследований, подвижность границ их предмета, вариативность задействуемого в ходе их осуществления теоретико-методологического инструментария, многопрофильность получаемых на выходе результатов и т.д., не только сохранить, но и всячески консолидировать субстрат политической регионалистики, усилить ее собственное «Я», неповторимое и уникальное.

Предвидя некоторый скепсис коллег, подчеркнем, что возможное, при прочих равных условиях, движение политической регионалистики по обозначенному нами вектору – продолжительный по времени и весьма трудоемкий процесс. Высокая степень зависимости от классических наук, отдельных направлений, сложившихся школ, устоявшихся подходов и т.п., внутри которых так или иначе происходило вызревание политологии в целом и политической регионалистики в частности (та же география, к примеру), конечно, не преодолевается сиюминутно и без проблем. Да и нет такой науки, чей путь к самостоятельности и состоятельности был бы быстрым и легким. Однако, главное на этом пути – не только обеспечить полноценное и всестороннее саморазвитие политической регионалистики, включая совершенствование ее языка, конкретизацию предмета, оттачивание методологии и т.д., но и не растерять достижений прошлого, в том

¹ Зиневич О.В., Рузанкина Е.А. Регионоведение как комплекс исследовательских и учебных дисциплин в ракурсе междисциплинарности // Сравнительная политика – Comparative politics. 2014. № 3. С. 160.

² Там же. С. 162.

числе связанного с наследием тех научных направлений, которые стали для нее «материнскими». Контрпродуктивно конституировать политическую регионалистику посредством отрицания в ней социально-географического, экономического, юридического, культурологического и т.п. начал. Не менее контрпродуктивными являются и попытки избежать междисциплинарности, игнорировать уже сложившиеся и вновь возникающие внутри- и межпредметные связи, препятствовать возникновению новых субнаправлений и подобластей исследования¹.

Серьезное внимание нужно уделить и неоднократно упоминавшейся нами ранее проблеме всесторонней и вдумчивой ревизии привнесенного в отечественную политологию зарубежного научного и наукоподобного контента, включая разного рода теоретические и прикладные «продукты», а также претендующие на статус аксиом субъективные суждения отдельных раскрученных в масс-медиа персон. Долгое время их некритичное восприятие и слепое следование им приводило к тому, что российские социополитические реалии просто «подгонялись» под зарубежные, прежде всего западноевропейские и североамериканские лекала, а изучавшим эти реалии научным направлениям и дисциплинам в рамках отечественной политологии всячески пытались подыскать иностранные аналоги. Отсутствие последних нередко приводило отдельных исследователей и целые коллективы к выводам о бесперспективности того или иного направления теоретических и прикладных разработок, которое тут же объявлялось «периферийным», «архаичным» и т.д. Выходившие же за рамки новомодной западной системы политических координат отечественные многовековые традиции маркировались как

¹ Например, на просторах сети Интернет можно обнаружить разработанную специалистами Воронежского государственного университета учебную программу «Социально-экономико-географическое изучение транспортного предприятия». В ней, в частности, отмечается, что «решение задач социально-экономического развития общества и рационального размещения транспортных объектов и достижения на этой основе экономически эффективного взаимодействия между государством, предприятиями, отраслями, собственниками и населением по перевозке грузов и пассажиров, обеспечению транспортной безопасности страны обуславливают необходимость комплексных исследований первичных ячеек транспортной отрасли – отдельных предприятий. Непосредственно в этом звене хозяйства страны решаются государственные и региональные проблемы максимального сокращения транспортных издержек в стоимости внутреннего валового продукта» (цит. по: Социально-экономико-географическое изучение транспортного предприятия. Часть III. Учебная программа / Составители: В.А. Белова, Р.Е. Рогозина. Воронеж, 2007. С. 3–4). Иными словами, если есть транспортная география, то почему бы не быть транспортной регионалистике? Тем более, что осмысление внутри- и внешнеполитического значения транспорта уже давно вошло в круг задач политической науки (подробно см.: Горбунов А.А. Транспортная политика государства: институты, ресурсы, технологии // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура: научный и социокультурный журнал. 2018. № 1. С. 17–21). Аналогично – география городов и политическая урбанистика (подробно см.: Федякин И.В. Развитие российских городов и мегаполисов как приоритетное направление современной государственной политики // Вестник Российской нации. 2018. № 5. С. 22–55).

«отклоняющиеся», «дефектные» и пр.

Опять же подчеркнем, что неорганический по своему происхождению для отечественного социально-политического контекста характер теорий, парадигм, концептов и т.д. отнюдь не должен становиться единственным верным критерием их выбраковки, служить безапелляционным приговором для них. Агломерационные теории, теории региональной конкурентоспособности, концепция «полюсов» («коридоров») роста, методология межрегиональных сравнений, модели размещения населенных пунктов, концепция территориальной динамики государств, теория диффузии инноваций, теория центральных мест, концепции пространственного развития полюсов экономики, «центр-периферийный» подход – эти и многие другие полученные зарубежной наукой теоретические разработки, опробованные на практике немалым числом государств и показавшие в них свою результативность в ходе формирования и реализации их правительствами региональной политики, должны внимательно изучаться и оцениваться с точки зрения перспектив их использования во благо нашей страны. Отсечь нужно лишь то, что априори не подходит нам по форме и содержанию, идет вразрез с российскими устоями и реалиями, является данью иностранной моде и пр., при этом, конечно, не впадая в крайности примитивного изоляционизма и т.п.¹

Кстати, о текущем социально-политическом контексте. Общеизвестно, что отечественная политология складывалась в определенных реалиях конца 1980-х – начала 1990-х гг., что не могло не наложить соответствующий отпечаток на ход и характер ее эволюции. Пытаясь найти адекватные ответы на запросы конкретного исторического периода, она не могла не учитывать соответствующие обстоятельства места и времени. Аналогичная ситуация имела место внутриотдельных политологических направлений и дисциплин, включая политическую регионалистику. Сосредоточение на внутрироссийской политической проблематике, с акцентом в том числе на анализе текущей модели федерализма, на выявлении типов отношений между Центром и регионами, на изучении региональных элит и лидеров, на раскрытии особенностей отечественной электоральной географии и т.д. – все это, конечно, было важно в 1990-е гг. и, с определенными оговорками, сохраняет известную степень актуальности в наши дни. Однако, пространственно-временная контекстуальность политической регионалистики не должна приводить ее к зацикливанию на узком круге вопросов внутринационального порядка, а тем самым – к застою

¹ В целом же следует согласиться с Н.П. Медведевым, который отмечает, что «многообразие проявлений внутрироссийских политических отношений на уровне регионов не всегда вписывается в интеграционные западные модели поведения акторов региональных политических процессов, что затрудняет применение в чистом виде подходов западных политологических школ при научном анализе российской политической действительности» (цит. по: Медведев Н.П. Политическая регионалистика: Учебное пособие. М.: Альфа-М, 2005. С. 6).

в развитии¹. Политическая регионалистика – не только изучение региональной проблематики в историческом разрезе, но и анализ современности, и взгляд в будущее. Кроме того, исследование актуальных российских политических реалий во всех их измерениях, включая региональное, – хотя и непреложная, но не единственная задача политической науки вообще и политической регионалистики в частности. Соответствующий зарубежный опыт также должен быть в фокусе внимания, хотя бы для того, чтобы в ходе различного рода сравнений и т.п. аналитических процедур обнаружить лучшие мировые практики и всесторонне оценить возможности и пределы их адаптации на российской почве.

Наконец, еще один принципиальный момент. Часто говорится о преимущественно описательном характере политической регионалистики, о ее крайне скудном аналитико-прогностическом потенциале и т.д. Действительно, в региональной политической жизни, как и в сфере политики в целом, при всей ее насыщенности разного рода событиями и пр., в силу известной специфики этой сферы (преобладание конкуренции над кооперацией, конфронтационной модели поведения субъектов над консенсусной, силовых инструментов разрешения противоречий над мирными, скрытых фаз и механизмов над открытыми, иррационально-субъективного над рациональным, де-факто над де-юре и т.д.), довольно трудно обнаружить доказуемую устойчивую повторяемость тех или иных явлений, процессов и т.п. Последние чаще всего носят относительный, условный, вероятностный, случайный характер; они, скорее, единичны и особенны, чем общи и повсеместны.

В этой связи представляется более корректным вести речь не о закономерностях (т.е. логически обоснованной последовательности каких-либо явлений, регулярном протекании тех или иных процессов и т.д.), не о «дважды два» в политике, а о тенденциях (т.е. аналитически улавливаемых направлениях в развитии какого-либо феномена и пр.) в региональной политической жизни, ход и характер проявления которых обусловлен множеством факторов. Готовя и проводя региональные политические исследования, необходимо помнить, что политический регион, представляя собой пространство сосредоточения самых разнообразных по своим количеству и качеству субъектов, а равно поле пересечения имеющихся у них интересов, ресурсов и т.д., не может быть описан и объяснен лишь в категориях жесткого

¹ Как было отмечено исследователями, «Внутреннее изучение» региона содержит опасность восприятия своего края как места заведомо уникального и неповторимого, которое нельзя поставить в один ряд с другими», в итоге региональное исследование становится «способом проявления любви к краю и одновременно способом доказать, что этот край достоин любви», что, конечно, не ведет к приращению научного знания (цит. по: Рудинская И.И. Регионоведение и краеведение: масштабы различий и форма взаимодействий // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 3. С. 11).

детерминизма, однозначной предопределенности и абсолютной безальтернативности. И хотя некоторые «повторяемости» могут давать о себе знать (например, касающиеся видов и форм взаимодействия центра и регионов, степени их интенсивности, субъектного состава и т.д.), тем не менее, они носят преимущественно относительный характер, проявляются на практике не так часто, а лежащие в их основе причинно-следственные связи в большинстве своем отличаются нелинейностью, опосредованностью, асимметричностью. Тем более, если речь идет о политике сегодняшнего дня – чрезвычайно изменчивой и труднопредсказуемой.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Горбунов А.А. Транспортная политика государства: институты, ресурсы, технологии // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура: научный и социокультурный журнал. 2018. № 1. С. 17–21.
2. Федякин И.В. Развитие российских городов и мегаполисов как приоритетное направление современной государственной политики // Вестник Российской нации. 2018. № 5. С. 22–55.

REFERENCES

1. Gorbunov A.A. Transport policy of the state: institutions, resources, technologies [*Transportnaja politika gosudarstva: instituty, resursy, tekhnologii*] // SEARCH: Politics. Civics. Art. Sociology. Culture: scientific and socio-cultural journal. 2018. No. 1. P. 17–21.
2. Fedyakin I.V. The development of Russian towns and megacities as a priority direction of modern state policy [*Razvitije rossijskikh gorodov i megapolisov kak prioritetoje napravlenije sovremennoj gosudarstvennoj politiki*] // Bulletin of Russian nation. 2018. No. 5. P. 22–55.

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЁЖИ

SOCIOLOGY OF YOUTH

ВОЙТОВ

*Александр Владимирович
кандидат социологических наук,
доцент, Волгоградская Академия
МВД России, Волгоград, Россия
alexvoy@mail.ru*

*VOYTOV Aleksander Vladimirovich
candidate of sociological
sciences, associate professor,
Volgograd Academy of the
Ministry of Internal Affairs of the
Russian Federation,
Volgograd, Russia
alexvoy@mail.ru*

ДЕМИДОВ Николай Николаевич

*кандидат философских наук,
профессор, Волгоградская
Академия МВД России,
Волгоград, Россия
demidovnick@yandex.ru*

*DEMIDOV Nikolai Nikolaevich
Candidate of Philosophy,
Professor, Volgograd Academy of
the Ministry of Internal Affairs of
Russia, Volgograd, Russia
demidovnick@yandex.ru*

Изучение нравственных аспектов ценностных ориентаций современного поколения российской молодежи (социологический анализ) / Studying the moral aspects of value orientations of the modern generation of russian youth (sociological analysis)

Аннотация

В статье анализируются ценностные ориентации современного поколения российской молодежи, в частности особенности нравственных аспектов, основанных на патриотизме. В ходе анализа такой социологической категории как молодежь был использован поколенческий подход, который выделяет ряд поколений, отличающихся друг от друга ценностными ориентациями, сформировавшимися под влиянием особенностей жизнедеятельности в различных исторических условиях. Опираясь на обширный эмпирический материал, авторы определяют важнейшие показатели, по которым был проведен сравнительный анализ мотивов поведения изучаемых поколений молодежи.

Ключевые слова

Молодежь; поколение; нравственность; ценностные ориентации; социологические исследования; эмпирические социологические исследования; патриотизм; поколенческий подход; духовность.

Abstract

The article analyzes the value orientations of the modern generation of Russian youth, in particular, the features of moral aspects based on patriotism. In the course of the analysis of such a sociological category as youth,

a generational approach was used, which distinguishes a number of generations that differ from each other in value orientations, formed under the influence of the characteristics of life in various historical conditions. Based on extensive empirical material, the authors determine the most important indicators, according to which a comparative analysis of the behavioral motives of the studied generations of young people was carried out.

Keywords

Youth; generation; morality; value orientations; sociological research; empirical sociological research; patriotism; generational approach; spirituality.

Изучение нравственных аспектов ценностных ориентаций современного поколения российской молодежи является актуальной темой современной социологии. Различные исследования показывают, что ценности и нравственные ориентации молодежи в России меняются с течением времени под воздействием различных факторов. Социальная среда, в которой воспитывается молодежь, постоянно меняется, и с ней изменяются и ценности молодежи. Исследование нравственных аспектов ценностных ориентаций необходимо для понимания тенденций, которые возникают в современном обществе, и для обнаружения проблем, связанных с нравственным и этическим поведением молодого поколения.

Данная тема особо актуальна в современных условиях, когда проблема понимания патриотизма становится предметом острой идеологической борьбы различных социальных групп, которые на волне псевдопатриотических спекуляций стремятся обозначить себя на политическом пространстве, привлечь на свою сторону, прежде всего молодое поколение.

За последние годы в научной литературе появилось значительное количество статей, освещающих особенности современного поколения российской молодежи. Авторы публикаций, прежде всего, отмечают влияние информационных технологий на формирования социально-психологических характеристик изучаемого поколения. По данной теме можно обнаружить значительное количество публикаций, нацеленных на исследование динамики изменения нравственных ценностей, моральных установок современной российской молодежи, изучения патриотических ориентаций современного поколения. Так, например, в публикациях Н. В. Дулиной и Н. А. Овчар¹ нашло отражение исследование патриотических ценностей студенческой молодежи. Актуальность приобретает вопрос трансформации образовательных ценностей, особенно в период всеобщего дистанционного образова-

¹ Дулина Н. В. Патриотические ценности современной студенческой молодежи: между Россией и Западом (по итогам проведения социологического исследования) / Н. В. Дулина, Н. А. Овчар, В. В. Токарев // XVIII Международная конференция памяти проф. Л. Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования», 19-20 марта 2015 г. Екатеринбург: [УрФУ], 2015. С. 167-177.

ния¹. Социологические аспекты исследования ценностных ориентаций молодого поколения представлены в работах Е.А.Михайловой², Л. В. Гуляевой и Г. З. Ефимовой³.

Ряд исследований показали активное использование российской молодежью социальных сетей и интернета для социального общения и получения информации, что способствует более толерантному отношению к различным культурам и общественным группам. Однако эти изменения в ценностных ориентациях молодежи могут привести к негативным последствиям для общества. Отсутствие морально-этических ориентиров у молодежи может привести к ухудшению межличностных отношений, агрессивности и терпимости к насилию.

На основании обширных эмпирических данных дается характеристика ценностных ориентаций российской молодежи социологическими центрами: ВЦИОМ, ФОМ.

Вместе с тем, особенности нравственных аспектов ценностных ориентаций нового поколения российской молодежи, соотношение нравственности и патриотизма и их отличия от предыдущих поколений изучены недостаточно.

Задачей нашего исследования является сравнительный анализ нравственных аспектов ценностных ориентаций двух последних поколений российской молодежи, обращая особое внимание на такое качество как патриотизм. Эмпирической базой были выбраны различные социологические исследования, проведенные в последние годы как в целом по стране, так и в различных регионах, в частности в г. Волгограде. При анализе молодежи, как социально-демографической категории нами был выбран поколенческий подход, который выделяет ряд поколений, отличающихся друг от друга ценностными ориентациями, сформировавшимися под влиянием особенностей жизнедеятельности в различных исторических условиях.

Данная концепция довольно подробно рассмотрена в работах В.В.Радаева, который выделяет шесть поколений в процессе исторического развития советской и пост советской системы. Последние два поколения по его терминологии – это поколение Миллениум или Y (1984–2000 годы рождения) и поколение Z (примерно начиная с 2000 г.р.)⁴.

Для анализа были использованы результаты ряда социологических

¹ Войтов А.В., Снатенков И.Е. Самоизоляция и дистанционное обучение: восприятие и готовность молодежи/ Современное общество: оценка состояния и перспективы развития. Волгоградский государственный университет. Волгоград, 2021. С. 179-182.

² Михайлова Е. А. Ценностно-мотивационные ориентации студентов в современных социально-политических реалиях (на примере Республики Башкортостан) / Е. А. Михайлова, Т. В. Черкасова //Социологический журнал. 2015. № 2. С. 51-67.

³ Гуляева Л. В. Сравнительное исследование патриотических ориентаций молодежи: региональная специфика / Л. В. Гуляева, Г. З. Ефимова //Siberian Socium. 2018. Том 2. № 1. С. 53-73.

⁴ Радаев В.В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ// Социологические исследования. - 2018. - № 3. - С.15 - 33.

исследований: данные социологического исследования ВЦИОМ и ФОМ, данные молодежного исследования Фонда Фридриха Эберта, данные исследования проведенного агентством Validata совместно со Сбербанком результаты опросов населения г. Волгограда, проводимых социологической группой Волгоградской академии МВД.

В ходе исследования, нами были выбраны ряд показателей, по которым был проведен сравнительный анализ мотивов поведения изучаемых поколений молодежи. К таким показателям были отнесены: представления молодежи о патриотизме и критериях оценки уровня патриотичности, отношение к проблемам формирования патриотизма у молодежи, отношение к проблеме эмиграции, оценка молодежью своего субъективного благополучия и т.д. Индикаторы были выбраны исходя из предположения, что они будут отражать нравственные аспекты ценностных ориентаций современного поколения российской молодежи.

Результаты нашего анализа согласуются с выводами ряда социологических исследований, проведенных в различных регионах страны, которые подчеркивают неоднородность современной молодежной генерации. Как и все российское общество, новые поколения сложно структурированы, включают в себя различные слои, характеризующиеся противоречивыми особенностями в системе ценностных ориентаций. Об этом свидетельствуют результаты обследования, проведенного агентством Validata совместно со Сбербанком. Социологи данного центра пришли к выводу, что молодые люди «не видят себя единым поколением»¹. Причем было обнаружено, что для двух последних поколений характерны как общие черты, так и некоторые отличия. Так, в частности, поколение Y взросло на момент развития Интернета и массового использования мобильных устройств, в то время как поколение Z считается первым поколением, рожденным в эпоху цифровых технологий. Поколение Y проводит больше времени в учебных заведениях и имеет более высокую степень образования, чем поколение Z. Однако поколение Z уже становится все более образованным и активно участвует в различных программах образования. Поколение Z любят больше проводить время в онлайн, чем в реальном мире. Эти отличия не являются абсолютными и варьируются в зависимости от конкретного региона и культурного контекста.

Одной из особенностей российского поколения Z является более высокая степень патриотизма и патриотической направленности. Также заметна тенденция к сохранению традиционных ценностей и уважительного отношения к старшим. Однако это не является универсальным правилом, и в России также наблюдается смешение и взаимное влияние всемирных тенденций на молодежную культуру.

Следующей особенностью поколений Y и Z является значительное

¹ Что мы знаем о них? 30 фактов о поколении Z // Сообщество внутренних коммуникаторов, 2017. – URL: <https://inside-pr.ru/> (дата обращения: 20.12.2020).

отличие по ряду социально-политических характеристик от более старших поколений. Одним из факторов, влияющих на данное обстоятельство, является особенность становления личности современной российской молодежи в сложных условиях затянувшихся трансформаций системы нравственно-этических ценностей и мировоззренческих идеалов, под влиянием процессов модернизации, реформирований, глобализации и т.п.

Большинство исследований отмечают у поколений Y и Z прежде всего ориентацию на индивидуальные, личные проблемы. Данные социологических исследований показывают, что на первом месте у большинства молодых людей проблема достижения собственного материального благополучия, вопросы занятости, достижения счастливой семейной жизни. Вместе с тем, результаты социологических исследований позволяют выделить два основных направления жизненных ориентаций современных молодых людей. С одной стороны мы наблюдаем четкую ориентацию на личное материальное благополучие, стремление к спокойной семейной жизни, а с другой - ориентацию на социальный альтруизм (стремление быть полезными для людей, общества).

При сопоставлении этих двух направлений, первое явно превалирует. Причем это мы наблюдаем как у поколения Z, так и у поколения Y. В исследовании, проведенном в г. Волгограде 1999 году среди молодых людей в возрасте 17 – 24 года (нынешнее поколение Y) большинство респондентов (52% опрошенных) на вопрос “Что является наиболее важным в жизни?” указали семейное счастье, 51,4% - хорошее здоровье, 41.3% указали на достаток, высокую материальную обеспеченность, 30% - любимая, интересная работа.

Значительно ниже оценили молодые люди такие социальные ценности как уважение в коллективе (10.6%), полезность другим людям (10.9%).

Похожее исследование было проведено нами в 2019 году в г. Волгограде. На этот раз были поставлены вопросы о проблемах, которые беспокоят молодое поколение в первую очередь. Представители поколения Z на первое место поставили «экономические проблемы (бедность, низкие зарплаты) (49% опрошенных данного возраста), коррупцию (42%), недоступность качественного медицинского обслуживания (37%), проблемы с устройством на работу (32%)»¹.

Результаты опросов свидетельствуют о том, что любовь к Родине не занимает ведущие позиции среди ценностных ориентаций молодежи. Об этом говорят данные, полученные в ходе исследования, посвященного изучению молодежи в 2017 году Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Исследователи центра утверждают, что в иерархии ценностей молодого поколения (в группе от 18 до 34 лет) «первые три места занимает доход (15%),

¹ Демидов Н. Н. Ценностные ориентации поколения Z: социологический анализ// Сетевое издание «Академическая мысль» № 2 (15) 2021. С. 33

порядок и стабильность (11%), самореализация (8%)»¹. В то же время, сравнивая с несколько старшим поколением (35 лет и выше), на первом месте выходит стабильность (18%), на втором - доход (13%). Значимость патриотизма значительно ниже: у молодых – 4%, более старшего поколения – 8%.

Согласно опросам Фонда общественного мнения (ФОМ), проведенного в июне 2020 года по вопросам патриотического воспитания 61% молодых людей (по выборке – 50%) считают, что большинство выпускников школ нельзя назвать патриотами и только 22% думают, что большинство выпускников школ можно назвать патриотами². Вместе с тем, сами они себя считают патриотами. По данным другого опроса ФОМ, проведенного так же в 2020 году большинство молодых людей (73%) считают себя патриотами и только 22% – нет³.

Интересно, как молодые люди определяют критерии патриотизма. С точки зрения молодежи патриотом может быть человек, критикующий власти (74%), не знающий истории страны (53%). Вместе с тем, большинство респондентов считают, что, «патриотом не может быть человек, который не любит родную природу (75%), избегающий службы в армии (62%)»⁴.

Исследования показывают, что для значительной части современного поколения молодежи состояние духовности и такое важное качество как патриотизм не являются приоритетными.

Одну из причин сложившейся ситуации в молодежной среде можно обнаружить в результатах социологического исследования, проведенного преподавателями Волгоградского государственного университета и Уральского федерального университета в 2019 году среди студенческой молодежи Волгоградского и Свердловского регионов. Опрос показал, что среди студентов обоих регионов социальные ожидания носят преимущественно негативный характер, «а существенное расхождение ожидаемого и желаемого будущего в сознании студенчества, зафиксированное данным исследованием, влечет за собой пессимистические социальные настроения относительно перспектив, не способствует уверенности в завтрашнем дне, снижает горизонт планирования для молодежи»⁵. У значительной части молодого поколения сформировался негативный образ будущего, что приводит к соответствующей стратегии поведения. В связи с этим часть молодых людей стремится изменить места жительства, в том

¹ Портал ВЦИОМ – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/molodezh-i-politika-tochki-soprikosnoveniya> (дата обращения: 20.07.2022)..

² Портал ФОМ – URL: <https://fom.ru/TSennosti/14411> (дата обращения: 20.07.2022).

³ Портал ФОМ – URL: <https://fom.ru/TSennosti/14446> (дата обращения: 20.07.2022).

⁴ Там же.

⁵ Дидковская Я.В., Дулина Н.В., Трынов Д.В., Брайнин Б.А. Образ социального будущего студенческой молодежи: социальные ожидания, настроения и жизненные планы (на примере Волгоградской и Свердловской областей// PRIMO ASPECTU, - 2019. - № 3 (39). - С. 17

числе рассматривая эмиграцию как возможность обеспечения лучших условий жизни.

Социальное самочувствие двух последних поколений российского общества не способствует формированию высоких нравственных качеств патриота своей страны. На наш взгляд основные усилия необходимо направлять на создание условий для достойной жизни и счастья рядовых граждан, что станет важнейшим фактором патриотического воспитания молодого поколения российского государства.

Таким образом, нравственные аспекты ценностных ориентаций современного поколения российской молодежи представляют собой динамическое явление и подвержены всесторонним воздействиям как случайного, так и целенаправленного характера. Важно отметить, что подобным воздействием могут быть заинтересованы деструктивно ориентированные силы как внутри страны, так и за ее пределами. Случайные воздействия на ценностные ориентации, а тем более нравственную их компоненту по мнению авторов недопустимы. Государство, учитывая результаты социологических исследований, должно проводить всестороннюю воспитательную деятельность, включая и образовательное направление, в том числе по формированию патриотических нравственных убеждений, на основании которых формируются позитивные для гражданина и патриота ценностные ориентации.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Войтов А.В., Снатенков И.Е. Самоизоляция и дистанционное обучение: восприятие и готовность молодежи/ Современное общество: оценка состояния и перспективы развития. Волгоградский государственный университет. Волгоград, 2021. С. 179-182.
2. Гуляева Л. В. Сравнительное исследование патриотических ориентаций молодежи: региональная специфика / Л. В. Гуляева, Г. З. Ефимова //Siberian Socium. 2018. Том 2. № 1. С. 53-73.
3. Демидов Н. Н. Ценностные ориентации поколения Z: социологический анализ// Сетевое издание «Академическая мысль» № 2 (15) 2021. С. 31-35
4. Дидковская Я.В., Дулина Н.В., Трынов Д.В., Брайнин Б.А. Образ социального будущего студенческой молодежи: социальные ожидания, настроения и жизненные планы (на примере Волгоградской и Свердловской областей// PRIMO ASPECTU, - 2019. - № 3 (39). - С. 7-18.
5. Дулина Н. В. Патриотические ценности современной студенческой молодежи: между Россией и Западом (по итогам проведения социологического исследования) / Н. В. Дулина, Н. А. Овчар, В. В. Токарев // XVIII Международная конференция памяти проф. Л. Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования», 19-20 марта 2015 г. Екатеринбург: [УрФУ], 2015. С. 167-177.
6. Михайлова Е. А. Ценностно-мотивационные ориентации студентов в современных социально-политических реалиях (на примере Республики Башкортостан) / Е. А. Михайлова, Т. В. Черкасова //Социологический журнал. 2015. № 2. С. 51-67.
7. Радаев В.В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ//Социологические исследования. - 2018. - № 3.

- С.15 - 33.

8. Что мы знаем о них? 30 фактов о поколении Z // Сообщество внутренних коммуникаторов, 2017. – URL: <https://inside-pr.ru/> (дата обращения: 20.12.2020).

9. Портал ФОМ – URL: <https://fom.ru/TSennosti/14411> (дата обращения: 20.07.2022).

10. Портал ФОМ – URL: <https://fom.ru/TSennosti/14446> (дата обращения: 20.07.2022).

REFERENCES

1. Voytov A.V., Snatnikov I.E. Self-isolation and distance learning: the perception and readiness of young people [*Samoizolyaciya i distancionnoe obuchenie: vospriyatie i gotovnost' molodezhi*] / Modern society: assessment of the state and development prospects. Volgograd State University. Volgograd, 2021. P. 179-182.

2. Gulyaeva L. V. Comparative study of patriotic orientations of youth: regional specificity [*Sravnitel'noe issledovanie patrioticheskikh orientacij molodezhi: regional'naya specifika*] / L. V. Gulyaeva, G. Z. Efimova // Siberian Socium. 2018. Volume 2. No. 1. P. 53-73.

3. Demidov N. N. Value orientations of generation Z: a sociological analysis [*Cennostnye orientacii pokoleniya Z: sociologicheskij analiz*] // Setevoye izdaniye «Akademicheskaya mysl'» № 2 (15) 2021. P. 31-35

4. Didkovskaya Ya.V., Dulina N.V., Trynov D.V., Brainin B.A. The image of the social future of student youth: social expectations, moods and life plans (on the example of the Volgograd and Sverdlovsk regions) [*Obraz social'nogo budushchego studencheskoj molodezhi: social'nye ozhidaniya, nastroyeniya i zhiznennyye plany (na primere Volgogradskoj i Sverdlovskoj oblastej)*] // PRIMO ASPECTU, - 2019. - No. 3 (39). - P. 7-18.

5. Dulina N. V. Patriotic values of modern student youth: between Russia and the West (based on the results of a sociological study) / N. V. Dulina, N. A. Ovchar, V. V. Tokarev [*Patrioticheskie cennosti sovremennoj studencheskoj molodezhi: mezhdru Rossiej i Zapadom (po itogam provedeniya sociologicheskogo issledovaniya)*] // XVIII Mezhdunarodnaya konferentsiya pamyati prof. L. N. Kogana «Kul'tura, lichnost', obshchestvo v sovremennom mire: Metodologiya, opyt empiricheskogo issledovaniya», March 19-20, 2015. Yekaterinburg: [UrFU], 2015. P. 167-177.

6. Mikhailova E. A. Value-motivational orientations of students in modern socio-political realities (on the example of the Republic of Bashkortostan) [*Cennostno-motivatsionnye orientacii studentov v sovremennykh social'no-politicheskikh realiyah (na primere Respubliki Bashkortostan)*] / E. A. Mikhailova, T. V. Cherkasova // Sotsiologicheskij zhurnal. 2015. No. 2. P. 51-67.

7. Radaev V.V. Millennials Against the Background of Previous Generations: An Empirical Analysis [*Millenialy na fone predshestvuyushchih pokolenij: empiricheskij analiz*] // Sotsiologicheskiye issledovaniya. - 2018. - No. 3. - P.15 - 33.

8. What do we know about them? 30 facts about generation Z [*Chto my znayu o nih? 30 faktov o pokolenii Z*] // Soobshchestvo vnutrennikh kommunikatorov, 2017. - URL: <https://inside-pr.ru/> (Accessed: 12/20/2020).

9. FOM portal - URL: <https://fom.ru/TSennosti/14411> (date of access: 20.07.2022).

10. FOM portal - URL: <https://fom.ru/TSennosti/14446> (date of access: 20.07.2022).

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

SOCIOLOGY OF EDUCATION

ЕФРЕМОВА Анна Сергеевна
ассистент, Российский
университет транспорта,
Москва, Россия
anna.efrem2012@yandex.ru

EFREMOVA Anna Sergeevna
Assistant, Russian University of
Transport, Moscow, Russia
anna.efrem2012@yandex.ru

ЛИТВИНОВА Марина Васильевна
ассистент, Российский
университет транспорта,
Москва, Россия
marina.litvinova@bk.ru

LITVINOVA Marina Vasilyevna
Assistant, Russian University of
Transport, Moscow, Russia
marina.litvinova@bk.ru

Особенности манипулятивного поведения студентов / Features of manipulative behavior students

Аннотация

В статье актуализируется проблема усиления тенденции использования студентами манипуляций в общении под воздействием негативных факторов современных реалий общества. Систематизированы типичные виды манипулятивного поведения студентов по отношению к преподавателю. Сделан вывод о важности учета возможностей манипулятивного поведения студентов в профессиональной подготовке преподавателей.

Ключевые слова

Манипулятивное поведение; педагогическое общение; взаимодействие студентов и преподавателей.

Abstract

The article actualizes the problem of strengthening the tendency of students to use manipulations in communication under the influence of negative factors of modern realities of society. The typical types of manipulative behavior of students in relation to the teacher are systematized. The conclusion is made about the importance of taking into account the possibilities of manipulative behavior of students in the professional training of teachers.

Keywords

Manipulative behavior; pedagogical communication; interaction of students and teachers.

Данные социально-экономических исследований последних лет свидетельствуют о значимых изменениях ценностной парадигмы

молодежи: в мировоззрении личности происходит переход от ориентации на коллективизм на ориентацию на индивидуализм. Это отразилось на содержании коммуникативной деятельности – все чаще для достижения собственных целей в качестве ключевой стратегии межличностного взаимодействия обучающиеся начинают выбирать манипулятивные техники, которые содержательно могут быть отнесены к такой стратегии как соперничество.

Среди современных исследователей по-прежнему продолжают дискуссии о проблеме конструктивности манипуляций в общении: с одной стороны, приводятся данные о продуктивности манипулятивного поведения в таких сферах, как политика, торговля, оказание услуг и пр., с другой – подчеркиваются негативные последствия использования манипуляций на личностном уровне общения, проявляющиеся в долговременной перспективе, в результате чего полученные сиюминутные выгоды не могут оправдать степень разрушения межличностных отношений.¹ Кроме того, по мнению отдельных исследователей, нарастающая в обществе тенденция активизации применения техник манипулирования повышает риск возникновения глобальных социальных катастроф.²

Особую значимость проблема изучения манипулятивного поведения приобретает в рамках рассмотрения подросткового и юношеского возрастов, задачами которых являются как закрепление системы нравственных убеждений, так и завершение формирования коммуникативной компетентности, что в значительной степени определяет дальнейший жизненный путь личности. Но данные отечественных исследователей свидетельствуют о том, что современная массовая культура и усиливающийся в социуме ценностный кризис обуславливают завышенный уровень притязаний молодежи, что в сочетании с их ограниченными навыками совладания приводит, по мнению А.И. Тарелкина, к выбору обучающимися «асимметричного межличностного взаимодействия по принципу доминирование – подчинение».³ Все это определяет необходимость дальнейшего исследования проблемы манипулятивного поведения молодежи, в том числе, в период студенчества.

В.П. Шейнов, анализируя степень разработанности проблемы манипуляций, приводит более двадцати определений данной дефиниции, отмечая в них следующие общие содержательные линии: манипуляции рассматриваются как способ скрытого управления партнером для достижения личных целей, что часто подразумевает фрустрацию его потребностей и провоцирует

¹ Шейнов, В.П. Манипулирование и защита от манипуляций [Текст] / В.П. Шейнов. – Санкт-Петербург [и др.] : Питер, 2014. – 303 с.

² Гусейнова, Ж.А. Манипулятивные действия студентов [Текст] / Ж.А. Гусейнова // Международный журнал экспериментального образования. – 2013. – № 4. – С. 99-101.

³ Тарелкин, А.И. Манипуляции в педагогическом общении в высшей школе [Текст] / А.И. Тарелкин // Психология обучения. – 2009. – № 5. – С. 58.

негативные эмоции по отношению к манипулятору. Однако несмотря на то, что манипулирование подразумевает установление «отношения главенства», цели манипулятора могут иметь и социально-одобряемый характер, что обостряет дискуссии об этичности манипулятивного поведения в процессах воспитания, психологической коррекции, менеджмента и пр.¹

В.И. Антонов, М.С. Панков и Н.П. Петрова отмечают, что противоречивость сложившихся в обществе нравственных оценок манипуляций провоцирует студентов на активное использования манипулятивного поведения в отношении преподавателей, тогда как по отношению к сверстникам такое поведение используется достоверно реже.² Также, по мнению В.П. Шейнова, фактором, стимулирующим возникновения такого поведения у студентов, выступает полученный ими опыт взаимодействия со значимыми взрослыми: обучающиеся начинают манипулировать в ответ на манипуляции родителей и педагогов.³

По данным А.И. Тарелкина, частота использования манипуляций студентами обратно пропорциональна их возрасту, что позволяет прогнозировать переход коммуникации студентов на личностный уровень взаимодействия при методически верно выстроенной системы обучения.⁴

В.И. Антоненко и М.А. Котляров на основе обобщения представленных в современных исследованиях эмпирических данных систематизируют типичные способы манипулятивного поведения студентов на основании содержания мишени манипуляций, выделяя несколько категорий.⁵

В манипуляциях первого типа в качестве мишеней выступают положительные качества преподавателей. К ним относятся:

- провокация эмпатии, вызывание чувств сострадания и жалости путем информирования о личных трудностях и проблемах студента в разных сферах жизни, как реальных, например, проблемы со здоровьем или работа, так и вымышленных, например, опоздание транспорта, поломка компьютера и пр., т.е. использование прямой лжи;

- совершение противоправных действий с документами и учебными материалами, например, подделка справок, подписей,

¹ Шейнов, В.П. Манипулирование и защита от манипуляций [Текст] / В.П. Шейнов. – Санкт-Петербург [и др.] : Питер, 2014. – 303 с.

² Петрова, Н.П. Психологические манипуляции в студенческой среде [Текст] / Н.П. Петрова, М.С. Панков, В.И. Антонов // Символ науки. – 2016. – № 6-2. – С. 258-260.

³ Шейнов, В.П. Манипулирование и защита от манипуляций [Текст] / В.П. Шейнов. – Санкт-Петербург [и др.] : Питер, 2014. – 303 с.

⁴ Тарелкин, А.И. Манипуляции в педагогическом общении в высшей школе [Текст] / А.И. Тарелкин // Психология обучения. – 2009. – № 5. – С. 56-71.

⁵ Антоненко, В.И. Манипулятивные приемы, используемые студентами в общении с преподавателями [Текст] / В.И. Антоненко, М.А. Котляров // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. – 2017. – № 13. – С. 1190-1192.

подкидывание помеченных билетов, покупка готовых учебных работ, кража ключей (ответов) к проверочным работам, поиск и сдача готовых работ из интернета и пр.;

- прямое списывание с использованием различных источников: шпаргалки, конспекты, гаджеты и т.д., а также подмена экзаменационных листов заранее подготовленными ответами («бомба»);

- обещания изменить свое поведение на следующих этапах обучения с демонстрацией чувства вины, например, сдать в следующий раз, ответить на следующем семинаре и пр.

Мишенями манипуляций второго типа являются потребности преподавателей в самоутверждении, статусе и в переживании положительных эмоций, среди них:

- общение с преподавателем на отвлеченные темы, интересные для него, например, об отношении к событиям, процессам и пр., использование юмора;

- вынуждение преподавателя самостоятельно отвечать на вопрос или объяснять технологию решения задания с помощью вопросов и просьб;

- лесть, комплименты, шутки с двойным дном, например, восхваление внешности или профессиональных качеств преподавателя;

- использование гендерных способов воздействия: флирт, внешний вид, зрительный контакт, намеки и т.д.;

- попытки понравиться и произвести впечатление: создание определенного имиджа («отличник», «старательный»), копирование манер, точек зрения и аргументов преподавателя, учебная активность, подчеркивание собственной дисциплинированности, проявление эмпатии, активность в дискуссиях, использование научной речи и терминологии, демонстрация знаний и др.

Следующий тип манипулятивного поведения студентов связан с использованием стратегии прямой конфронтации, т.е. мишенью выступает эмоциональная лабильность преподавателя, например:

- шантаж и угрозы (суицидальным поведением, связями с начальством и пр.);

- коллективное давление (массовые прогулы, просьбы всех студентов группы об отмене занятия или его сокращении, переносе контрольной работы и т.д.);

- настойчивое поведение для достижения желаемого (многократный приход на пересдачу без подготовки, регулярные просьбы, проявления наглости и пр.);

- травля и насилие (срыв занятий, вызывающее поведение, публичное унижение преподавателя, грубые нарушения дисциплины, обвинение в дискриминации по полу, расе, домогательствах и др.).

В манипуляциях четвертого типа в качестве мишеней выступает внушаемость и конформность преподавателей в ситуации психологического давления на них:

- использование посредников (родственников, других специалистов, студентов, чтобы «договориться»);
- давление на представления о чести и самолюбие преподавателя, например, напоминание о несуществующих обещаниях, подчеркивание моральных норм, указание на допущенные преподавателем ошибки и пр.;
- создание стрессовых ситуаций в связи со сроками;
- сравнение себя с менее успешными обучающимися, например, апелляция к предыдущим ответам других студентов и их отметкам, подчеркивание своей учебной успешности путем демонстрации зачетки с положительными отметками.

Пятый тип манипуляций направлен на этические установки преподавателей, среди них: взятка или намеки на нее, подарки, предложение физической помощи или покупки оборудования для кабинета и пр.¹

С.М. Гайдаренко, А.Н. Васичева и А.Е. Маринина на основе эмпирического исследования делают вывод о гендерных различиях в манипулятивном поведении у студентов, при этом юноши прибегают к манипуляциям чаще своих сверстниц, используя преимущественно активные стратегии, тогда как девушки чаще прибегают к пассивным или смешанным стратегиям.²

Также выделяют и личностные особенности студентов, опосредующие манипулятивное поведение: макиавеллизм, внешний локус контроля, ригидность, внутренняя конфликтность, неустойчивость самооценки, самоуверенность, агрессивность, критичность, эгоцентризм, вспыльчивость.³

Таким образом, обзор наиболее типичных способов манипулятивного поведения студентов вне их этической оценки позволяет сделать вывод о том, что его мишенями чаще всего выступают профессионально-важные качества и убеждения преподавателей, давление на которые может привести к профессиональной деформации и утрате необходимого уровня профессиональной компетентности. Следовательно, такие качества, как эмпатия, доброта, демократичность и пр. опосредуют высокую степень личностной незащищенности преподавателей и требуют учета данных фактов в программе профессиональной подготовки будущих преподавателей.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Антоненко, В.И. Манипулятивные приемы, используемые студентами в общении с преподавателями [Текст] / В.И. Антоненко,

¹ Тарелкин, А.И. Манипуляции в педагогическом общении в высшей школе [Текст] / А.И. Тарелкин // Психология обучения. – 2009. – № 5. – С. 56-71.

² Маринина, А.Е. Взаимосвязь склонности к манипулятивному поведению и личностных особенностей у студентов [Текст] / А.Е. Маринина, А.Н. Васичева, С.М. Гайдаренко // Проблемы современного педагогического образования. – 2021. – № 70-4. – С. 380-383.

³ Гусейнова, Ж.А. Манипулятивные действия студентов [Текст] / Ж.А. Гусейнова // Международный журнал экспериментального образования. – 2013. – № 4. – С. 99-101.

М.А. Котляров // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. – 2017. – № 13. – С. 1190-1192.

2. Гусейнова, Ж.А. Манипулятивные действия студентов [Текст] / Ж.А. Гусейнова // Международный журнал экспериментального образования. – 2013. – № 4. – С. 99-101.

3. Маринина, А.Е. Взаимосвязь склонности к манипулятивному поведению и личностных особенностей у студентов [Текст] / А.Е. Маринина, А.Н. Васичева, С.М. Гайдаренко // Проблемы современного педагогического образования. – 2021. – № 70-4. – С. 380-383.

4. Петрова, Н.П. Психологические манипуляции в студенческой среде [Текст] / Н.П. Петрова, М.С. Панков, В.И. Антонов // Символ науки. – 2016. – № 6-2. – С. 258-260.

5. Тарелкин, А.И. Манипуляции в педагогическом общении в высшей школе [Текст] / А.И. Тарелкин // Психология обучения. – 2009. – № 5. – С. 56-71.

6. Шейнов, В.П. Манипулирование и защита от манипуляций [Текст] / В.П. Шейнов. – Санкт-Петербург [и др.] : Питер, 2014. – 303 с.

REFERENCES

1. Antonenko, V.I. Manipulative techniques used by students in communication with teachers [*Manipulyativnye priemy, ispol'zuemye studentami v obshchenii s prepodavatelyami*][Text] / V.I. Antonenko, M.A. Kotlyarov // Actual problems of aviation and cosmonautics. – 2017. – No. 13. – pp. 1190-1192.

2. Huseynova, J.A. Manipulative actions of students [*Manipulyativnye dejstviya studentov*][Text] / J.A. Huseynova // International Journal of Experimental Education. - 2013. – No. 4. – pp. 99-101

3. Marinina, A.E. Interrelation of propensity to manipulative behavior and personal characteristics in students [*Vzaimosvyaz' sklonnosti k manipulyativnomu povedeniyu i lichnostnyh osobennostey u studentov*][Text] / A.E. Marinina, A.N. Vasicheva, S.M. Gaidarenko // Problems of modern pedagogical education. – 2021. – No. 70-4. – pp. 380-383.

4. Petrova, N.P. Psychological manipulations in the student environment [*Psihologicheskie manipulyacii v studencheskoj srede*][Text] / N.P. Petrova, M.S. Pankov, V.I. Antonov // Symbol of Science. - 2016. – № 6-2. – pp. 258-260.

5. Tarelkin, A.I. Manipulations in pedagogical communication in higher school [*Manipulyacii v pedagogicheskom obshchenii v vysshej shkole*][Text] / A.I. Tarelkin // Psychology of learning. - 2009. – No. 5. – pp. 56-71.

6. Sheinov, V.P. Manipulation and protection from manipulation [*Manipulirovanie i zashchita ot manipulyacij*][Text] / V.P. Sheinov. – St. Petersburg [et al.] : St. Petersburg, 2014. – 303 p.

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННЫХ ПРОЦЕССОВ

PROBLEMS OF MODERN PROCESSES

НИКИТЕНКОВА

Мария Александровна

доктор экономических наук,

заместитель директора

Института мировых

трансформаций, старший

научный сотрудник Института

США и Канады им. Г.А. Арбатова

Российской академии наук,

Москва, Россия

maria.nikitenkova@mail.ru

NIKITENKOVA

Maria Aleksandrovna

Doctor of Economics,

Deputy Director of the Institute of

World Transformations,

Senior Reseach Fellow of Georgy

Arbatov Institute for U.S. and

Canada Studies of

Russian Academy of Sciences

Moscow, Russia

maria.nikitenkova@mail.ru

Глобальные вызовы киберпространства в условиях новых социально-политических изменений / Global cyberspace challenges in the context of new socio-political changes

Аннотация

В статье рассматриваются аспекты дискурса по выявлению вызовов киберпространства в условиях новых социально-политических изменений, акцентируется неопределенность в регулирующих подходах применения новейших технологий. Автор, применяя сравнительно-политологический метод для анализа теоретических аспектов обеспечения кибербезопасности, показывает ее как неотъемлемую часть национальной и международной безопасности. В заключении обосновываются необходимые рекомендации.

Ключевые слова

Цифровые технологии; киберпространство; кибербезопасность; вызовы; информационная инфраструктура.

Abstract

The article examines international discourse on identifying the challenges of cyberspace in the context of new socio-political changes, emphasizing the uncertainty in regulatory approaches to the application of the new technologies. The author applies the comparative-political method to analyze the theoretical aspects of cybersecurity as an integral part of national and international security. As a conclusion, necessary measures are justified.

Keywords

Digital technologies; cyberspace; cybersecurity; challenges; information infrastructure.

Уровень проникновения цифровых технологий и глобальной сети Интернет в общество напрямую коррелируется с уровнем развития страны. Глобализация цифровых отношений и вызовы киберпространства обуславливают тенденцию к регулированию перехода деятельности в виртуальном пространстве. Размывая границы, киберпространство создает угрозы и риски для национальных интересов и безопасности государства¹. Сегодня мы сталкиваясь с реалиями, многократно ранее описанными в социологических прогнозах, вынуждены констатировать, что по-прежнему на технологическом и политическом фундаменте не сформированы новые подходы для разрешения конфликтного противостояния. Проблема решения глобальных вызовов является предметом широкой дискуссии, как на национальном, так и международном уровнях.

Целью нашего исследования является нахождение объяснений природы вызовов киберпространства, посредством сравнительного политологического анализа мировых общественных процессов. Исследовательский вопрос решается в выявлении деформаций в регулировании последствий вызовов киберпространства и определении многофакторных усилий международных акторов и организаций для обеспечения кибербезопасности. Логика исследования состоит в последовательном анализе изменений теоретических моделей, объясняющих социальную реальность и государственную политику в этой сфере. Совокупность этих теоретических аспектов позволяет более полно определить различия в подходах к кибербезопасности в отдельных странах, а также выявить причины и последствия таких различий.

Позитивные прогнозы о роли информационных технологий для преодоления классовых противоречий в странах Запада, высказанные в работах А. Тоффлера², не оправдались. Он полагал, что информационные технологии и информационное общество создадут новые виды занятости и рабочих мест, а также новые формы социальной организации. Вместо этого, неравенство и разрыв между богатыми и бедными увеличился, произошло углубление неравенства.

Ю. Хабермас акцентировал внимание на том, что человек может быть подвержен информационной манипуляции в общественной публичной сфере без ориентации на мораль, ценности, жизненные смыслы³. Манипулистический подход может привести к потере автономии и самоопределения. Он видел решение проблемы через развитие плюрализма, и участия в публичном дискурсе все большего количества людей для защиты моральных позиций и жизненных смыслов.

¹ Никитенкова М.А. Цифровизация экономических процессов РФ в условиях глобальных геэкономических сдвигов / Качество и жизнь - 2022. -№4. - с. 42-45

² Тоффлер А. 1999. Третья волна. М.: АСТ. 784 с.

³ Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект // Хабермас Ю. Политические работы. М.: Праксис, 2005. С. 7–31; Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2000.

Сутью технологического императива в современном дискурсе является вызов обществу, связанный с неизбежностью технологизации. Сам императив создает напор и реальный вызов традиционным ценностям, допуская манипуляции посредством новейших технологий в киберпространстве, а также создавая обусловленные субъектно-объектные отношения, где человек становится субъектом и может быть использован, как средство.

Отсюда, на наш взгляд, вытекает, что глобальные технологические изменения, происходящие в настоящее время, должны сопровождаться глобальными изменениями в идеологической сфере.

Современные исследования сходятся на фундаментальной позиции, что глобальной политике присуще отрицание цивилизационно-ценностной вариативности мира и игнорирование цивилизационных факторов развития, что продуцирует кризисные процессы в сложных социальных системах и на уровне человечества в целом¹.

Исследователи констатируют разрушение концепции глобализации, отмечая, что в обозримом будущем мир будет развиваться по законам многополярного устройства с учетом национальных интересов различных государств².

Попытка глобализировать мир под интересы одной группы стран, сделать мир однополярным противоречит объективным задачам цивилизационного развития. Глобализм – классический пример явлений, которые существуют в определенные периоды развития общественных отношений. Концепция глобализма возникла на рубеже веков, когда исследователи опирались на дробление socioeconomic системы на капиталистическую и социалистическую. Сложившаяся международная ситуация способствовала появлению концепции, которая бы сгладила возникшие противоречия и привела две системы к взаимодействию и справедливости, которые и определяли понятие «глобализма». Ее расцвет пришелся на середину 2000-х годов.

Современная социально-политическая ситуация характеризуется новыми условиями и требует нового порядка, называемого сегодня многополярностью.

М. Вебер описывал «железную клетку модерна», предполагая завершение эпохи американского доминирования. Сегодня западный подход объявляет все, что является оппозицией «либеральному» миропорядку – автократическим, фашиствующим и подлежащим низвержению во имя лучшего будущего, которое предполагает закрепление глобального доминирования западных элит³.

¹ Якунин В.И. Цивилизационные основания современного мирового политического кризиса // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки -N 3, 2022 с.7-20

² Маршак А. Л. Глобализация закончилась! Что дальше? // Власть. 2023. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/globalizatsiya-zakonchilas-cto-dalshe> (дата обращения: 14.07.2023).

³ Цыганков А. Двойной стандарт постмодерности: конфликт ценностей и международное

Наиболее адекватной формой мирового порядка может служить многополярный мир, позволяющий государству выстраивать внешнюю политику, удовлетворяющую его национальным интересам, не исключая создания временных экономических, политических и военных альянсов, осуществляющих свою деятельность во благо цивилизационного развития мирового сообщества¹.

Сходные оценки подтверждаются в исследовании «Преодолевая пределы», включающем обобщение выводов многолетних научных трудов по моделированию мировой динамики на основе анализа и математической формализации процессов развития человеческого общества. В представленных результатах работ Института сложных математических систем и факультета глобальных процессов Московского государственного университета подтверждено, что существующие модели экономического развития говорят о невозможности капитализма стабилизировать ситуацию, о необходимости серьезных социальных изменений².

Авторы доклада подчеркивают, что человечество в настоящее время оказалось на переломе своей истории. В то время как в середине XX века западные авторы докладов Римского клуба³ отмечали, что глобальные проблемы – это пределы роста, российские ученые уверенно называли сложности, связанные с естественными ограничениями прогресса цивилизации, вызовами, которые можно и нужно преодолеть. Для этого нужно направить 6-й технологический уклад не на рост потребления, а на решение глобальных задач, превратить 6-й цикл Кондратьева (2018–2050 гг.) в переход к ноосферному мышлению и практике, интегративному гуманистическому обществу⁴.

Сегодня миропорядок под воздействием вызовов – в том числе вызовов из киберпространства – вращивает новые политические противоречия в глобальном гражданском обществе на уровне политико-экономических элит, религиозных и этнических групп.

Ведется активная борьба между разными международными акторами за право влияния в киберпространстве, в которой можно выделить два направления. Одно направление – подход государств Запада (США, Великобритания, Франция, Германия, Италия, Испания),

соперничество // Россия в глобальной политике. 24.01.2022. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/standart-postmodernosti/> (дата обращения: 06.07.2023).

¹ Маршак А. Л. Глобализация закончилась! Что дальше? // Власть. 2023. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/globalizatsiya-zakonchilas-chto-dalshe> (дата обращения: 14.07.2023).

² Преодолевая пределы роста. Основные положения доклада для Римского клуба: монография/ под ред. В. А. Садовниченко. — Москва: Издательство Московского университета, 2023..

³ Доклады Римскому клубу. URL: <https://www.clubofrome.org/publications/>

⁴ Преодолевая пределы роста. Основные положения доклада для Римского клуба: монография/ под ред. В. А. Садовниченко. — Москва: Издательство Московского университета, 2023..

продвигающих свободу действий в Интернете с некоторыми поправками на противодействие терроризму, его последователям и т.д.

Другое направление – в Российской Федерации, Украине, Беларуси, Иране, Китае, Индии: функционирование Интернета под регулированием норм международного права, регулируемого Организацией Объединенных Наций и, непосредственно, Международным Союзом Электросвязи.

На современном этапе киберпространство является неоднородным. В данном контексте общий способ оценки структуры включает разграничение уровней: уровня аппаратных средств, уровня программного обеспечения, информационного уровня, социального уровня – уровня взаимодействия индивидуумов, а также уровня взаимодействия на межгосударственном уровне, который также включает взаимодействие с транснациональными компаниями, действующими за рамками одного государства.

Проблемы обеспечения глобальной кибербезопасности осложняются текущей структурой международных отношений и являются сегодня приоритетной задачей национальной безопасности. В развитых странах ведется разработка доктринальных, нормативно-правовых, организационных и технических основ в этой сфере.

Для реагирования на глобальные вызовы киберпространства на уровне появления концепций ведения борьбы в киберпространстве создавались специальные структуры¹ в составе вооруженных сил многих стран мира:

Таблица 1. Основные акторы кибербезопасности

Страна	Структура в составе вооружённых сил страны
Российская Федерация	Киберподразделение в составе Федеральной службы безопасности
США	Объединенное киберкомандование и специализированный разведывательный центр
Германия	Управление сетевых операций
Великобритания	Центральное управление по кибербезопасности, оперативный центр обеспечения кибербезопасности, Центр государственной связи
Франция	Служба безопасности, Национальное агентство безопасности информационных систем, Центр информационных систем,
Израиль	Специализированный центр защиты национального киберпространства

Кибербезопасность определяется как комплекс мер защиты киберпространства государства в целом или отдельных объектов инфраструктуры от риска кибервлияния, направленных на обеспечение устойчивого развития, а также своевременное выявление,

¹ Составлено автором по Бурячок В.Л. Информационная и кибербезопасность: социотехнические аспекты: учебник / под общ. ред. В.Б. Толубко. - К.: ДУТ, 2015. С. 13.

предотвращение и нейтрализацию реальных и потенциальных вызовов, кибернетических вмешательств и угроз личным, корпоративным или национальным интересам¹.

Киберпространство используется государствами в качестве платформы для обеспечения эффективности проведения военных операций, включая такие аспекты, как шпионаж, дестабилизация оппонента и т.д.

Деструктивные инциденты в сфере киберпространства стремительно возросли, за период с 2002 по 2010 год более чем в 2.5 раза увеличилось количество раскрытых внутренних и внешних инцидентов².

Каковы усилия международных акторов и организаций в процессе обеспечения кибербезопасности? На международном уровне можно выделить ряд взаимосвязанных глобальных тенденций:

- большой фокус правительств, международных организаций, деловых кругов и общественности на вызовах киберпространства;
- переформатирование цепочек производства микроэлектроники;
- конкуренция национальных и региональных цифровых платформ;
- тренд фрагментирования глобальной сети, через усиление контроля и управления цифровыми платформами на национальном и региональном уровне;
- содействие автономности национальных инфраструктур.

С 2012 г. началась дискуссия о сохранении и развитии глобальной сети или следования противоположной позиции «балканизации», т.е. создание отдельных независимых локальных частей глобальной сети³. В 2015 г. дискуссионты оппонировали к прецеденту обнародования Эдуардом Сноуденом материалам Агентства национальной безопасности США. В 2018 г. отмечались негативные последствия из-за нескоординированного регулирования интернета национальными правительствами для глобальной экономики. В 2021 г. в международном дискурсе звучал призыв отбросить разногласия и начать работу по формированию подходов совместного использования глобальной сети, и в тоже время озвучивался тезис о «смерти интернета, каким мы его знаем». В 2022 г. получило широкое распространение VPN для преодоления ограничений на доступ к социальной сети и цифровым платформам⁴.

¹ GAO-10-628. Key Private and Public Cyber Expectations Need to Be Consistently Addressed / United States Government Accountability Office, Washington, July 2010 // [Electronic resource] URL: <https://www.gao.gov/assets/310/307222.pdf> (accessed: 06.07.2023)

² Семенов Ю.А. Обзор по материалам ведущих фирм, работающих в сфере сетевой безопасности // [Электронный ресурс] URL: <http://book.itep.ru/10/2012.htm> (дата обращения: 06.07.2023)

³ Алпеев А.С. Терминология безопасности: кибербезопасность, информационная безопасность // Вопросы кибербезопасности. - 2014. - № 5. С. 41. 10

⁴ Карасёв П.А., Стефанович Д.В. Кибербезопасность критически важной инфраструктуры: новые вызовы // Россия в глобальной политике. Т. 20. № 6. С. 147-164.

Вопросами управления интернетом, координацией системы присвоения имён интернета занимается корпорация ICANN. ICANN создавалась в США и подчинялась ранее правительству США, сегодня ICANN – независимая организация, в которой применяется подход мультистейкхолдеризма. На середину 2022 г. в ICANN нет представителей России и Китая в совете директоров¹.

В 2022 г. США вместе с более чем 60 странами-партнерами подписали «Декларации о будущем интернета», где подтвердили согласие поддерживать единение глобального интернета, поощрять конкуренцию, а также поддержали подходы, направленные на сохранение конфиденциальности и уважения прав человека. В этом документе подчеркивается идеологическое отделение стран, не согласных с монополизацией управления глобальной информационной инфраструктурой.

В 2020 году ЕС принимает Стратегию кибербезопасности, в которой включены меры контроля для безопасного продвижения технологий по цепочкам, приоритет отдаётся мерам достижения технологического суверенитета, включены меры повышения лояльности в отношении глобального интернета на геополитическом уровне². В этом документе демонстрируется противоречие: с одной стороны, декларируется важность лояльности к глобальному киберпространству, а де-факто создается тенденция на суверенизацию европейского сегмента от глобального Интернета через усиление цифровых границ.

Эти тенденции были подкреплены в программе «Цифровая Европа» в 2021 году. Также из бюджета ЕС будет выделено более 7.5 млрд. евро до 2027 года. В 2022 году в Закон о чипах³, принятый Европейской комиссией, говорит об удвоении доли ЕС на мировом рынке полупроводников (что составит 20 процентов), также запланированы инвестиции до 2030 г. - 43 млрд. евро.

В Российской Федерации в рамках реализации указов Президента РФ № 204 от 07.05.2018 и № 474 от 21.07.2020 сформирована НП «Цифровая экономика Российской Федерации», в которую входят федеральные проекты - «Нормативное регулирование цифровой среды», «Информационная безопасность», «Цифровые технологии». Документы стратегического планирования в сфере развития микроэлектронной промышленности⁴: были приняты в 2007 г.: утверждены соответствующие Стратегия развития электронной промышленности России на период до 2025 года и Федеральная

¹ Goutam R. Importance of Cyber Security // International Journal of Computer Applications. - 2015. - Vol. 7. P. 15

² Fischer E. Cybersecurity Issues and Challenges: In Brief // [Electronic resource] URL: <https://fas.org/sgp/crs/misc/R43831.pdf> (accessed: 06.07.2023)

³ European Chips Act // European Commission. 7.06.2022. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/european-chips-act> (дата обращения: 06.07.2023).

⁴ Никитенкова М.А. Информационная инфраструктура США: государство и рынок. М.: Академия, 2009. – с. 267-269

целевая программа «Развитие электронной компонентной базы и радиоэлектроники» на 2008–2015 годы».

В 2020 г. нами принята Стратегия развития электронной промышленности до 2030 г., предусмотрены «инфраструктурные инвестиции в размере 142 млрд. рублей. Общие инвестиции до 2024 г. в связанные с микроэлектроникой отрасли составят примерно 266 млрд. рублей».

Российский подход к обеспечению кибербезопасности носит проактивный характер, в отличие от практики в этой сфере в США и ЕС.

Современные социологические исследования указывают на гуманитарные вызовы киберпространства: «цифровое неравенство» – новейшую форму дискриминации, расслоение общества на «богатых информацией» и «бедных информацией» или вовсе ее лишенных. В новых социально-политических условиях культурные и социальные оказывают весомое влияние изменение в ценностных основах, нормах поведения и отношениях к восприятию и использованию технологий.

Вызовами киберпространства на уровне контента специалисты называют эволюцию цифровых технологий и цифровых медиатрендов, появление новых мировых цифровых медиа, расширение новостных цифровых, значительный рост потребления новостного видеоконтента из сети, вытеснение традиционных СМИ. Вместе с этим наблюдается тенденция отхода от ключевых принципов журналистики – точность, независимость, непредвзятость и другие. Собственно, по причине неопределенности регулирования ограничений при применении новейших технологий и возникают все основные трудности гуманитарного характера в киберпространстве.

В исследования цифрового медиа потребления, проведенного Институтом журналистики Reuters, в котором опрашивались более 20000 респондентов из США, Великобритании, Ирландии, Германии, Франции, Италии, Испании, Дании, Финляндии, Бразилии, Японии и Австралии¹, использовались данные, полученные из Австрии, Чешской республики, Нидерландов, Польши, Португалии и Турции. В большинстве стран за 2011-2015 гг. наблюдается устойчивая картина снижения доли печатных СМИ, рост социальных медиа, ведущее место среди которых занимают телевидение и онлайн СМИ. Аналитики подчеркивают, что обострялись возрастные и национальные составляющие способов нахождения новостей, их потребления и распространения, происходили изменения традиционных стандартов производства цифрового контента, происходило вытеснение «классических» СМИ².

В исследовании российских социологов по использованию

¹ Digital News Report за 2015 год [Электронный ресурс]. URL: <http://www.digitalnewsreport.org> (accessed: 06.07.2023)

² Kellie Riordan. Accuracy, Independence, and Impartiality: How legacy media and digital natives approach standards in the digital age [Электронный ресурс]. URL: [http://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/publication/accuracy\(independence\(and\(impartiality](http://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/publication/accuracy(independence(and(impartiality) (accessed: 06.07.2023)

потенциала социальных медиа в становлении участвующего управления отмечается, что традиционные СМИ отражают конфликт, опираясь на профессиональную оценку социально ответственной журналистики, в то время как интернет-среда, в силу своего высокого уровня конфликтотенного фактора, исходно склонна к усилению и удлинению контекста. Поэтому статистические медиа-репрезентации значительно выражены и развиваются от типа субъекта медиа-среды¹.

Такое состояние мира порождает риски и распространение чувства социально-политического дискомфорта.

Вызовы киберпространства формируют рост политических противоречий в глобальной сети и в глобальном гражданском обществе, способствуют обострению противоречий между государствами на международном, национальном и институциональном уровнях.

Ответы на эти вызовы как на национальном, так и международном уровнях осложнены целым рядом проблем, обусловленных быстрым развитием технологий, терминологической неопределенностью и неготовностью действующей международно-правовой базы регулированием предотвратить новые угрозы. Многосторонние форматы снизили свою эффективность в связи тем, что происходит стимуляция разногласий вместо выдвижения инициатив, направленных на урегулирование противоречий.

Основой нового теоретического поиска исследователей-международников в рамках проекта Большой Евразии могло бы стать построение диалога разных цивилизационных систем. Русский подход утверждал альтернативное (западному подходу) понимание личности, традиции и модерности². В этом ключе возрастает роль киберпространства на международном уровне как пространства противоборства между геополитическими оппонентами. Использование киберпространства требует сравнительно меньших ресурсов при противостоянии, по сравнению с формированием сопоставимой военной мощи, однако информационное противодействие может нанести схожий урон.

В условиях чрезвычайной международной напряженности и неустойчивости цепи поставок микроэлектроники, императивом международных отношений становится достижение технологического суверенитета. При этом менее развитые страны становятся уязвимыми перед технологически развитыми странами.

Исходя из этого, видится возможной задача всестороннего мониторинга киберпространства с фиксацией характерных изменений на институциональном и законодательном уровне для противодействия вызовов и регулирования деятельности в сети в целом.

¹ Боев Е.И., Зотов В.В., Василенко Л.А. Цифровизация государственного управления: экспертная рефлексия о проблемах и вызовах. Цифровая социология. 2023;6(1):4-12. (На рус. языке) <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2023-6-1-4-12>

² Цыганков А.П. Глобальный конфликт позднего модерна: логика и пределы эскалации // Россия в глобальной политике. Т. 20. № 6. С.10-21

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Доклад ЮНКТАД о цифровой экономике за 2021 год. ООН, 2021. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/der2021_overview_ru.pdf (дата обращения: 06.07.2023).
2. Никитенкова М.А. Информационная инфраструктура США: государство и рынок. М.: Академия, 2009. – с. 304
3. Никитенкова М.А. Цифровизация экономических процессов РФ в условиях глобальных геоэкономических сдвигов / Качество и жизнь - 2022. -№4. - с. 42-45 DOI: 10.34214/2312-5209-2022-36-4-42-45
4. Маршак А. Л. Глобализация закончилась! Что дальше? // Власть. 2023. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/globalizatsiya-zakonchilas-cto-dalshe> (дата обращения: 6.07.2023).
5. Преодолевая пределы роста. Основные положения доклада для Римского клуба: монография / под ред. В. А. Садовниченко. — Москва: Издательство Московского университета, 2023. – 99 с.
6. Садовнический В.А., Акаев А. А., Ильин И. В., Коротаев А. В., Малков С.Ю. Моделирование и прогнозирование глобальной динамики в XXI веке. // Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика. - 2022.- №1 - с.5-35
7. Социальная коммуникация в крупных российском обществе : сборник докладов Всероссийской научно-практической конференции / Отв. ред. В. А. Мансуров, Т. З. Адамьянц : ред. Е. Ю. Иванова, П. С. Юрьев. - Москва: РОС; ФНИСЦ РАН, 2023 - 567 с.
8. Тоффлер А. Третья волна. М.: АСТ, 1999 -784 с.
9. Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект // М.: Праксис, 2005.
10. Якунин В.И. Цивилизационные основания современного мирового политического кризиса // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки -N 3, 2022 с.7-20
11. The Cybersecurity Strategy // European Commission. - URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/cybersecurity-strategy> (дата обращения: 06.07.2023).
12. Vishik C. Key Concepts in Cyber Security // International Cyber Norms: Legal, Policy & Industry Perspectives NATO CCD COE Publ., Tallinn 2016 - URL: https://ccdcoe.org/sites/default/files/multimedia/pdf/InternationalCyberNorms_Ch11.pdf (accessed: 06.07.2023)

REFERENCES

1. UNCTAD Report on the Digital Economy for 2021 [*Doklad YUNKTAD o cifrovoj ekonomike za 2021 god*]. UN, 2021. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/der2021_overview_ru.pdf (date of reference: 06.07.2023).
2. Nikitenkova M.A. Information infrastructure of the USA: the state and the market [*Informacionnaya infrastruktura SSHA: gosudarstvo i rynok*]. M.: Academy, 2009. –304 p.
3. Nikitenkova.M.A. Digitalization of economic processes of the Russian Federation in the conditions of global geo-economic shifts [*Cifrovizaciya ekonomicheskikh processov RF v usloviyah global'nyh geoeconomicheskikh sdvigov*] Quality and life - 2022. -No.4. - pp. 42-45

DOI: 10.34214/2312-5209-2022-36-4-42-45

4. Marshak A. L. Globalization is over! What's next? [*Globalizatsiya zakonchilas'! Chto dal'she?*]// Power. 2023. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/globalizatsiya-zakonchilas-cto-dalshe> (date of reference: 06.07.2023).

5. Overcoming the limits of growth. The main provisions of the report for the Club of Rome [*Preodolevaya predely rosta. Osnovnye polozeniya doklada dlya Rimskogo kluba*]: monograph / edited by V. A. Sadovnichy. — Moscow: Moscow University Press, 2023. — 99 p.

6. Sadovnichy V.A., Akaev A. A., Ilyin I. V. Korotaev A.V., Malkov S.Yu. Modeling and forecasting of global dynamics in the XXI century [*Modelirovanie i prognozirovanie global'noj dinamiki v XXI veke*] // Bulletin of the Moscow University. Series 27. Globalistics and Geopolitics. - 2022.- N°1 - p.5-35

7. Social communication in large Russian society [*Social'naya kommunikatsiya v krupnyh rossijskom obshchestve*]: collection of reports of the All-Russian scientific and practical conference / Ed.. V. A. Mansurov, T. 3. Adamyants: ed. E. Yu. Ivanova, P. S. Yursv. - Moscow: ROS; FNIS RAS, 2023 - 567 p.

8. Toffler A. The third wave [*Tret'ya volna*]. M.: AST, 1999 -784 p.

9. Habermas Yu. Modern – unfinished project [*Modern – nezavershennyj proekt*]// Moscow: Praxis, 2005.

10. Yakunin V.I. Civilizational foundations of the modern world political crisis [*Civilizacionnye osnovaniya sovremennogo mirovogo politicheskogo krizisa*]// Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and Political Sciences -N 3, 2022 p.7-20

11. The Cybersecurity Strategy // European Commission. - URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/cybersecurity-strategy> (дата обращения: 06.07.2023).

12. Vishik C. Key Concepts in Cyber Security // International Cyber Norms: Legal, Policy & Industry Perspectives NATO CCD COE Publ., Tallinn 2016 URL: https://ccdcoe.org/sites/default/files/multimedia/pdf/InternationalCyberNorms_Ch11.pdf (accessed: 06.07.2023)

ФИЛИППОВ

*Антон Александрович
кандидат социологических
наук, доцент, Пензенский
государственный университет,
Пенза, Россия*

ntnppov@mail.ru

FILIPPOV

*Anton Aleksandrovich
Candidate of sociological sciences,
associate professor, Penza State
University, Penza, Russia*

ntnppov@mail.ru

Функциональные противоречия института образования в современном российском обществе / Functional contradictions of the institute of education in modern russian society

Аннотация

В настоящее время имеют место кризисные тенденции в образовательной сфере, связанные с разрывом между социальным запросом на подготовку высококлассных специалистов и тенденциями формирования на выходе из высших учебных заведений квази-специалистов. Это свидетельствует о наличии внутренних противоречий в системе образования, определяющих нарушение ее функциональности. Актуальность исследования нарушений в образовательной системе напрямую определяется социальной значимостью эффективного образования и необходимостью определения причин и оснований ее функциональных нарушений. Целью исследования является определение основных социальных противоречий, определяющих нарушение функциональности системы образования. Результаты исследования включают в себя определение ряда ключевых противоречий современной системы образования. Первое противоречие связано с излишней бюрократизацией образовательной системы. В связи с этим с течением времени наблюдается разрыв макро и микро уровней в образовательном процессе, поскольку обучающиеся и преподаватели в повседневной деятельности, взаимодействия друг с другом, создают свою социальную реальность, в которой доминирует определенная система ценностей, релевантная для них, которая может вступать в противовес с тем, что навязывает государственная политика в сфере образования, и что таким образом приводит к функциональным противоречиям в современном российском образовании. Разрастаясь, функциональные противоречия выступают эксплицитными признаками символической борьбы, которая разгорается между агентами, которые легитимно распределяют символической капитал, с одной стороны, и теми агентами, с другой стороны, которые видят возможность распределить силы на социальном поле образовательной среды иначе. В рамках исследования приводится детальный анализ данных противоречий и обосновывается необходимость дальнейшей исследовательской деятельности, направленной на выявление внутренней логики функционального нарушения образовательной системы и путей прео-

доления существующих противоречий.

Ключевые слова

Образование; институт; социальная реальность; функция; социальное пространство; взаимодействие.

Abstract

At present, there are crisis trends in the educational sphere associated with the gap between the social demand for the training of highly qualified specialists and the trends in the formation of quasi-specialists at the exit from higher educational institutions. This indicates the presence of internal contradictions in the education system that determine the violation of its functionality. The relevance of the study of violations in the educational system is directly determined by the social significance of effective education and the need to determine the causes and grounds of its functional disorders. The purpose of the study is to identify the main social contradictions that determine the violation of the functionality of the education system. The results of the study include the identification of a number of key contradictions of the modern education system. The first contradiction is related to the excessive bureaucratization of the educational system. In this regard, over time, there is a gap between macro and micro levels in the educational process, since students and teachers in their daily activities, interaction with each other, create their own social reality, which is dominated by a certain system of values relevant to them, which can counterbalance what state policy imposes in the sphere of education, and that thus leads to functional contradictions in modern Russian education. Growing, functional contradictions act as explicit signs of a symbolic struggle that flares up between agents who legitimately distribute symbolic capital, on the one hand, and those agents, on the other hand, who see an opportunity to distribute forces in the social field of the educational environment differently. The study provides a detailed analysis of these contradictions and substantiates the need for further research activities aimed at identifying the internal logic of the functional violation of the educational system and ways to overcome existing contradictions.

Keywords

Education; institute; social reality; function; social space; interaction.

Одной из ключевых проблем современной молодежи выступает проблема поиска и нахождения рабочего места. У этой проблемы может быть несколько причин:

- во-первых, не все профессии актуальны в настоящее время (профессия конюха не так релевантна, как, например, профессия автомеханика или сотрудника детейлиноговой студии; не думаем, что этот пример является крайностью: он ярко показывает момент разрыва, когда в рамках одного столетия, XX века, произошел скачок индустриального развития, охвативший почти все пределы нашего

государства);

- во-вторых, в современных российских реалиях есть проблема нехватки рабочих мест;

- в-третьих, ожидания и представления молодежи о хорошей, то есть отвечающей ожиданиям молодых людей, должности разбиваются о борт реальности и необходимости работать в некомфортных условиях за низкую оплату с целью получения первоначального рабочего опыта и усвоения базовых навыков, которые могут понадобиться в дальнейшей профессиональной сфере¹;

- в-четвертых, и это ключевой момент, рынок молодых специалистов перенасыщен квази-специалистами, то есть людьми, имеющими диплом бакалавра или магистра, но не имеющих специальных познаний, необходимых для работы по своей специальности. Проблема увеличения числа номинальных специалистов ухудшается еще и тем, что процедура выявления неспециалистов с каждым годом начинает испытывать некую стагнацию по той причине, что специалиста, способного нормально функционировать в профессиональной среде, может отличить только специалист. Но если мы говорим о том, что ключевой проблемой образования современного российского общества является появление студентов, неспособных в дальнейшем реализовывать свои знания в профессиональной и практической деятельности по причине отсутствия таковых или наличия слабых, приземленных, познаний в определенной области, то мы можем сказать и о том, что речь здесь идет и о постепенном вымирании специалистов, что, в свою очередь, постепенно ведет к проблеме появления «специалистов-симулякров» в профессиональной образовательной среде, не способных анализировать, обучать и воспитывать будущих специалистов².

Вопрос дихотомии сущего и должного в современной российской образовательной среде, проявляется в том, что набор компетенций и навыков, которые должен усвоить обучающийся и которыми он

¹ Здесь стоит отметить, что, если мы возьмем, к примеру, работу повара, то на первоначальных этапах его карьеры важным этапом в усвоение опыта будет не только умение готовить много, вкусно и разнообразно, но и понимание поварской «кухни», то есть того социального мира, в котором учится и работает неопит, усвоение нерелексивных паттернов поведения, определение элементов социального мира и тому подобное. То есть приобретение и усвоение некой универсальной профессиональной социальной конъюнктуры, характерной для конкретной социальной группы, а не только для профессий одного рода. О проблемах первичной адаптации в трудовой сфере см. подробнее Беккер Г. Аутсайдеры: исследования по социологии девиантности. М.: Элементарные формы, 2018. 272 с.

² В этой связи можно привести в пример художественный фильм «Идиократия» (2005 года) Майка Джаджа, в которой показывается будущее, где, например, пределом когнитивной деятельности людей является попадание взрослым человеком игрушечной деталью в виде прямоугольника в аналогичный прямоугольный трафарет, выступающего составной частью игрушечного кубика, а также простейшие математические сложения вроде того: сколько будет 3+5?

сможет оперировать в дальнейшем по окончании образовательной организации, вступает в противоречие с тем, что мы имеем в сухом остатке¹.

Природа этого явления связана с функциональными противоречиями в институте образования, которые, в свою очередь, вытекают из-за расхождения макро и микро уровней социального взаимодействия в современной образовательной среде². То есть, с одной стороны, мы говорим о том, что образование в учебных заведениях различного ранга преследует конкретные задачи, которые содержатся в Федеральном законе от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», в подзаконных нормативно-правовых актах органов исполнительной власти в сфере образования, локальных нормативных правовых актах образовательных организациях. С другой стороны, социокультурные установки учащихся и реализуемые ими формы отношения к учебному процессу, а также формализм в проектировании и реализации существующих требований и стандартов приводят к нарушению эффективности образования.

Так, например, в пункте 1 части 1 статьи 43 указанного Федерального закона говорится о том, что «обучающиеся обязаны добросовестно осваивать образовательную программу, выполнять индивидуальный учебный план, в том числе посещать предусмотренные учебным планом или индивидуальным учебным планом учебные занятия, осуществлять самостоятельную подготовку к занятиям, выполнять задания, данные педагогическими работниками в рамках образовательной программы»³. Указанная норма, с одной стороны, носит очевидный характер, поскольку имеет четкую интенцию на мотивирование обучающихся к усвоению образовательных программ на должном уровне, подчинении их педагогическому составу в целях системного и всестороннего получения знания. С другой стороны, в этом великолепии детерминистского характера института образования и тенденциозности современной отечественной образовательной системы есть один нюанс: система образования и обучающийся не является по своей сути «тривиальной машиной», говоря языком системной теории.

Но прежде, чем мы перейдем к рассмотрению системы образования как «нетривиальной машины», следует сказать, что в современной отечественной социологической мысли концепция разрыва образовательной детерминации на законодательном уровне и социальной составляющей образовательного процесса на микроуровне занимает ключевое место, в силу чего появляются

¹ Дуглас М. Как мыслят институты. М.: Элементарные формы, 2020. - 250 с.

² Гофман И. Анализ фреймов: Эссе об организации повседневного опыта. М.: Институт социологии РАН; ФОМ, 2004. 752 с.

³ Федеральном законе от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // СПС «Гарант образование».

интерпретации существующих тенденций разрыва. «Преподаватели, не успевшие перевести дух от изнурительной работы по сопровождению недавно введенного нормативного акта (а это написанные колоссального количества РПД, программ всевозможных практик и аттестаций, выдуманных матриц и таблиц самых невероятных по звучанию и назначению компетенций), с ужасом узнают, что не более года действовавший и со всех сторон обмусоленный ненавистный стандарт приказал долго жить и должен быть заменен на еще более утомительную и канительную процедуру введения нового его аналога, уже подготовленного в недрах неугомонного в своих отправлениях чиновничьего ведомства»¹, - пишет Ю.Г. Швецов, отмечая что практика разрыва и выражение явной дихотомии детерминистического характера образовательной среды со стороны органов исполнительной власти остро отражается на профессорско-преподавательском составе, в силу чего происходит подмена представления о деятельности преподавателя в высшем учебном заведении, поскольку в конечном итоге получается, что преподавательская деятельности сводится к игре в имитацию: штамповке, переработке, разработке, расширении и углублении рабочих программ дисциплины и учебно-методических комплексов, которые только на формальном уровне отражают сущность профессорско-преподавательской деятельности, но к содержательному аспекту обучения студентов, магистрантов и аспирантов чаще всего отношения не имеют.

Таким образом, Ю.Г. Швецов ясно и даже яростно дает понять, что производство в промышленных масштабах со стороны государственных образовательных органов и организаций нормативных и правовых актов, направленных на контролирование не только деятельности студентов, но и преподавателей, а также на генерацию многочисленных бюрократизированных элементов в образовании вроде РПД или УМК постепенно превращает сферу образования в симулякр, лишенный не только всяческого эвристического потенциала, но эксплицирующий цифры, часы, компетенции и прочее, что в смысле содержания не имеет ничего общего с образовательной и педагогической работой.

Несостоятельность нормативного аспекта в институте образования отмечает Бадмацыренов Т.Б., Очиртарова Н.Н., Доржиева И.Ц., говоря, «что образовательная правовая политика Российской Федерации характеризуется высокой динамикой: только с января по март 2022 г. вышло свыше десяти нормативных правовых актов, регламентирующих сферу образования, что отражает непрерывные изменения институциональной среды и представляет определенные трудности для ее исследования»². Таким образом, Бадмацыренов

¹ Швецов Ю.Г. О бюрократизации и застое в образовательном и научном секторах непроизводственной сферы РФ // Вестн. Том. гос. ун-та. Экономика. 2017. №37. С. 265-273, с. 268

² Бадмацыренов Т.Б., Очиртарова Н.Н., Доржиева И.Ц. Институциональная среда об-

Т.Б., Очиртарова Н.Н., Доржиева И.Ц. прямо говорят о неукротимей силе нормотворческой машины исполнительных органов власти в сфере образования. Такой подход государственной политики в сфере образования, характеризующийся тенденцией переконтролировать контролируемое, в очередной раз свидетельствует о том, что законодатель не всегда учитывает содержательный аспект образовательной деятельности, говоря о приоритете разработке новых образовательных стандартов и норм, забывая чаще всего о необходимости усваивания знаний среди молодежи и культивирования института специалистов.

В чем же суть генерирования на постоянной основе новых образовательных стандартов и издания подзаконных актов, если проблема отсутствия специалистов остается в авангарде проблем образования? Представляется целесообразным ответить на указанный вопрос, учитывая теоретико-методологические достижения системной теории, микросоциологии и семиологии.

Никлас Луман, размышляя об идеях, предложенных Хайцем фон Фёрстером¹ относительно социальных институтов, говорит о том, что их можно рассматривать как тривиальные машины, работающие по принципу «вход/выход». Что значит работа тривиальной машины по принципу «вход/выход»? Это значит, что институт, получая определенной триггер, обрабатывает его по определенному заданному алгоритму и на выходе дает ожидаемый (предполагаемый) результат.

Никлас Луман приводит в пример институт суда, когда в качестве триггера начала судебного процесса выступает, например, гражданский иск, после чего инициируется гражданский процесс, который протекает в рамках, установленных действующей системой гражданского права, и который регулирует судья, который следит за тем, чтобы гражданский процесс протекал в рамках правового поля, а по окончании судебного процесса мы получаем результат, то есть так называемый «выход», в виде удовлетворения, частичного удовлетворения иска, либо отказа в его удовлетворении. Это классическое представление о концепции «входа/выхода»². Однако такое функционирование, основанное на контроле и законодательном детерминировании, не учитывает одного – субъективного фактора. Участник такой системы может мыслить и думать самостоятельно, обращая внимание и давая отчет своим действиям, то есть рефлексировать, либо может строго следовать правилам игры. Но что будет, если два эти компонента активизируются одновременно: рефлексия пойдет против системы «входа/выхода»? Тогда мы

разовательной организации: компоненты и их взаимодействие // Власть. 2022. №4. С. 124-129, с. 127

¹ Foerster Heinz von. Wissen und Gewissen: Versuch einer Brücke. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1993.

² Луман Н. Введение в системную теорию. М.: Издательство «Логос». 2007. 360 с., с. 100

сталкиваемся с тем, что Луман называет «самореференциональной петлей», то есть элементом рефлексии внутри системы.

В этом контексте про образование и возможные референции в системе образования Луман говорит: «В системе не предусмотрено, что ученик может, к примеру, поставить под сомнение сам вопрос или искать креативные решения, посмотреть на математические формулы с точки зрения их эстетики, как на конкретную поэзию, расположенную на бумаге, или сделать что-то такое, что можно объяснить, только если знаешь, в каком состоянии он находится в данный момент»¹. Так, Никлас Луман отмечает, что функциональные противотечения в самом институте образования могут возникать в тот момент, когда возникает рефлексия и нежелание действовать стандартизированным алгоритмам, заданными образовательной программой и нормативными документами.

Вопрос, касающийся разрыва намерений института образования «расширить и углубить» количество компетенций, которые необходимо усвоить обучающемуся и тем, каким образом протекает процесс образования в сознании студента может являться следствием символической конфронтации и распределения символического капитала, получивших глубокое отражение в концепции Пьера Бурдьё. Идеи Бурдьё пронизаны классовой борьбой и представлениями о формировании классов внутри социального пространства в связи с распределением символического капитала.

Ключевой момент здесь заключатся в том, что есть легитимные практики агентов, которые имеют право навязывать свою символическую структуру, в рамках которой другим агентам приходится действовать. Так, Бурдьё в своей статье «Социальное пространство и генезис «классов», рассуждая о символическом значении ученой степени и ученого звания в профессиональной научной среде и образовании говорит о том, что степень и звание есть не что иное как «юридическое правило социальной перцепции, воспринимаемое бытие, гарантированное как право»². Далее Бурдьё говорит, что «символический капитал все более и более неотделимый от ученого звания, поскольку система образования стремиться все более и более предоставить дальнейшие и верные гарантии для всех профессиональных званий»³. Рефлексируя над идеями Пьера Бурдьё и экстраполируя их для решения функциональных противоречий современного российского образования можно сказать, что для ученого ученыя степень и ученое звание является неким гарантом его состоятельности в профессиональной научной среде, с одной стороны, а с другой стороны, степень и звание предоставляет ряд социально значимых релевантных возможностей, например, при решении вопроса

¹ Луман Н. Введение в системную теорию. М.: Издательство «Логос». 2007. 360 с., с. 101

² Бурдьё П. Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. 288 с., с. 30

³ Там же.

о выборе места работы. То же самое можно сказать о дипломе об образовании бакалавра или специалиста. Здесь, воспользовавшись термином Бурдье, стоит отметить, что необходимость получения степени «бакалавра», «магистра», «кандидата наук» выступает «легитимным символическим насилием» в отношении обучающихся.

Рассматривая процесс обучения на микроуровне, следует обратить внимание на еще один аспект функциональных противоречий, возникших, во-первых, на почве картезианской проблемы интерсубъективности, то есть вопроса понимания субъективности другого, исходя из своей субъективности¹, а во-вторых, разрыва уровней построения социальной реальности участниками интеракции в процессе образовательной деятельности и уровня институционализации образования государственной властью. В этом контексте интересно рассмотреть позицию символического интеракционизма, амбассадорами которого являются Джордж Мид и Герберт Блумер. Блумер, опираясь на теоретические концепции Мида, утверждает, что в процессе социального взаимодействия «Я» агента социальной коммуникации (интеракции) является основополагающим при построении элементов социальной реальности и что социальная реальность строится в процессе взаимодействия, когда один актер, интерпретирует поведение другого, подчеркивая также тем самым принципиальность индуктивного подхода к описанию социальной реальности индивида над теоретико-дедуктивным. Блумер в этой связи пишет: «...Люди склонны постоянно создавать в ходе коллективной жизни отдельные меры, составляющие оперативную среду для различных жизненных ситуаций и характеризующиеся наличием разнообразных убеждений и концепций по поводу этих ситуаций»². Система образования на различных его уровнях: в профессорско-преподавательской деятельности, в студенческой среде, в работе аспирантов – имеет свои отличительные черты, характеризующиеся относительно обособленно сформированной системой ценностей, коммуникативных практик, тезаурусом и представлениям и социальном мире.

Подводя итог, следует сказать, что в современном российском обществе функциональные противоречия, возникающие в институте образования, обусловлены несколькими факторами.

Во-первых, перманентной, излишней нормотворческой деятельностью государственных органов в сфере образования и науки, которая, стремясь, с одной стороны, контролировать и улучшать процесс образования в России, излишне корректируют его внешнюю сторону, бюрократизируя ее, не обращая внимания на процессы, протекающие внутри образовательных коллективов и учреждений.

Во-вторых, субъективный компонент является одним из ключевых

¹ Щюц А., Парсонс Т. Теория социального действия; пер. с англ. А.М. Корбута. М.: Элементарные формы, 2021. 224 с.

² Блумер Г. Символический интеракционизм: перспектива и метод. М.: Элементарные формы, 2017. 346 с., с. 87

в образовательном процессе: социальная реальность, строящаяся участниками социального взаимодействия для самих участников наиболее релевантна, нежели те институциональные надстройки, которые ее, как будто бы, делают более доступной и эффективной в плане усвоения знаний и компетенций.

В-третьих, внутри институтов происходит борьба за пальму символического первенства: легитимное символическое насилие в сфере образования навязывает стандарты построения социального пространства, где превалировать должны такие категории как «наличие диплома», «наличие ученой степени», «наличие ученого звания», открывающие пространство для реализации всевозможных потребностей, особенно экзистенциальных, но не всегда познавательных, поскольку сама формулировка «символическое насилие» подразумевает навязывание извне, что может вступать в противоречие со взглядами участников образовательного процесса.

Указанные проблемы, связанные с функциональными противоречиями в современном российском обществе, могут очерчивать контуры остова, который постепенно обрастает симулякрами образования, что порождает в конечном итоге отсутствия достаточных знаний и навыков у новоиспеченных специалистов.

Понимание рассмотренных негативных тенденций в системе образования и лежащих в их основе противоречий может способствовать выработке продуктивной траектории регулирования образования как института. Это определяет значимость проведенной в рамках работы постановки проблемы и необходимость ее дальнейшего исследования на уровне социогуманитарного знания.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Беккер Г. Аутсайдеры: исследования по социологии девиантности. М.: Элементарные формы, 2018. 272 с.
2. Дуглас М. Как мыслят институты. М.: Элементарные формы, 2020. 250 с.
3. Гофман И. Анализ фреймов: Эссе об организации повседневного опыта. М.: Институт социологии РАН; ФОМ, 2004. 752 с.
4. Швецов Ю.Г. О бюрократизации и застое в образовательном и научном секторах непроизводственной сферы РФ // Вестн. Том. гос. ун-та. Экономика. 2017. №37. С. 265-273. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-byurokratizatsii-i-zastoe-v-obrazovatelnom-i-nauchnom-sektore-neproizvodstvennoy-sfery-rf> (дата обращения: 01.11.2022).
5. Бадмацыренов Т.Б., Очиртарова Н.Н., Доржиева И.Ц. Институциональная среда образовательной организации: компоненты и их взаимодействие // Власть. 2022. №4. С. 124-129. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalnaya-sreda-obrazovatelnoy-organizatsii-komponenty-i-ih-vzaimodeystvie> (дата обращения: 01.11.2022).
6. Foerster Heinz von. Wissen und Gewissen: Versuch einer Brücke. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1993.
7. Луман Н. Введение в системную теорию. М.: Издательство «Логос». 2007. 360 с.

8. Бурдые П. Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. 288 с.
9. Шюц А., Парсонс Т. Теория социального действия; пер. с англ. А.М. Корбута. М.: Элементарные формы, 2021. 224 с.
10. Блумер Г. Символический интеракционизм: перспектива и метод. М.: Элементарные формы, 2017. 346 с.

REFERENCES

1. Becker G. Outsiders: studies on the sociology of deviance [*Autsajdery: issledovaniya po sociologii deviantnosti*]. M.: Elementary forms, 2018. 272 p.
2. Douglas M. How institutions think [*Kak myslyat instituty*]. M.: Elementary Forms, 2020. 250 p.
3. Hoffman I. Frame analysis: An essay on the organization of everyday experience [*Esse ob organizacii povsednev-nogo opyta*]. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; FOM, 2004. 752 p.
4. Shvetsov Yu.G. On bureaucratization and stagnation in the educational and scientific sectors of the non-productive sphere of the Russian Federation [*O byurokratizacii i zastoe v obrazovatel'nom i nauchnom sektorah neproizvodstvennoj sfery RF*]/ Vestn. Volume. State University. Economy. 2017. No.37. C. 265-273. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-byurokratizatsii-i-zastoe-v-obrazovatelnom-i-nauchnom-sektorah-neproizvodstvennoj-sfery-rf> (accessed: 01.11.2022).
5. Badmatsyrenov T.B., Ochirtarova N.N., Dorzhieva I.Ts. Institutional environment of an educational organization: components and their interaction [*Institucional'naya sreda obrazovatel'noj organizacii: komponenty i ih vzaimodejstvie*]/ Power. 2022. No. 4. pp. 124-129. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalnaya-sreda-obrazovatelnoy-organizatsii-komponenty-i-ih-vzaimodeystvie> (accessed: 01.11.2022).
6. Foerster Heinz von. Wissen und Gewissen: Versuch einer Brücke. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1993.
7. Luman N. Introduction to System Theory [*Vvedenie v sistemnuyu teoriyu*]. Moscow: Logos Publishing House. 2007. 360 с.
8. Bourdieu P. Sociology of social space [*Sociologiya social'nogo prostranstva*]. Moscow: Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: Aleteya, 2005. 288 p
9. Shchyuts A., Parsons T. Theory of social action [*Teoriya social'nogo dejstviya*]; per. from English A.M. Korbuta. M.: Elementary forms, 2021. 224 p.
10. Bloomer G. Symbolic interactionism: perspective and method [*Simvolicheskij interakcionizm: perspektiva i metod*]. M.: Elementary forms, 2017. 346 p.

АСПЕКТЫ

ASPECTS

СЕМЧЕНКОВ

Андрей Сергеевич

*доктор политических наук,
профессор, Российский
университет транспорта,
Москва, Россия*

andsem4@yandex.ru

SEMCHENKOV

Andrey Sergeevich

*Doctor of Political Sciences,
Professor, Russian University of
Transport, Moscow, Russia*

andsem4@yandex.ru

Господство в Евразии: основные критерии / Dominance in Eurasia: main criteria

Аннотация

Статья посвящена определению основных характеристик господства мировой сухопутной державы на евроазиатском континенте. Господство в Евразии является результатом деятельности крупных союзов племен, империй и государств-наций по трансформации конгломерата социальных и политических общностей в целостную систему, как правило, занимающую обширное пространство Восточной Европы, Сибири, Западной, Центральной и Восточной Азии. Факторами консолидации материка и критериями господства в Евразии служат пространственные, транспортно-коммуникационные и инфраструктурные, демографические, культурные, экономические, технологические и военные основания.

Ключевые слова

Возвышение государства; гегемония; Евразия; историческая система; критерии господства; лидер; мировая сухопутная держава.

Abstract

The article is dedicated to the definition of the main characteristics of the dominance of the world land power on the Eurasian continent. Domination in Eurasia is the result of the activities of large alliances of tribes, empires and nation-states to transform a conglomerate of social and political communities into an integral system, usually occupying a vast expanse of Eastern Europe, Siberia, Western, Central and East Asia. Spatial, transport and communication, infrastructural, demographic, cultural, economic, technological and military bases serve as factors of consolidation of the continent and criteria of domination in Eurasia.

Keywords

Rise of the state; hegemony; Eurasia; historical system; criteria of domination; leader; world land power.

Как отмечал в 2001 г. А.И. Уткин, в начале нынешнего столетия

перед мировым гегемоном – Соединенными Штатами Америки – встала задача по недопущению установления между двумя государствами Евразии союзнических отношений. Первое из них – Китай – является одним из крупнейших по численности населения и первой по величине ВВП экономикой в мире, технологическое возвышение которого неприемлемо для США и стран Запада. Второе государство – Россия – несмотря на ряд утраченных характеристик сверхдержавы, остается крупнейшей по территории и сосредоточенному в ее недрах стратегическому потенциалу страной на Земле. В целом, на евразийском континенте уже в начале XXI в. проживало 75% населения, производилось 60% валового продукта, располагались 75% энергетического сырья всего мира. Поэтому получение каким-либо государством или союзом государств контроля над этим потенциалом сразу поставило бы эту державу или альянс в положение нового глобального центра силы. В данном контексте для Америки также является недопустимой утрата контрольных позиций в Юго-Восточной Азии, регионе, в который спустя полтысячелетия вновь перемещается центр мирового экономического развития¹.

Опасения в отношении крупных держав Евразии и союзов между ними как якобы претендентов на мировое господство звучат отнюдь не впервые и восходят еще к английской внешней политике XVI – XX вв. Британская колониальная империя, построенная за счет глобальной экспансии, была бы невозможна без поддержания Лондоном баланса сил в континентальной Европе как средоточии тех великих держав, которые в свое время выступали основными конкурентами и оппонентами англичан – Испании, Франции и Германии. Английская экспансия в Евразии (в Средиземноморье, на Ближнем и Среднем Востоке, Кавказе, Южной, Центральной и Восточной Азии) и столкновение в ее ходе с Россией («Большая игра») побудили британское правительство адаптировать политику баланса сил уже применительно ко всей Евразии. В этом случае сдерживанию расширения Российской империи служили альянсы Британии с западноевропейскими странами и Японией. Данную стратегию с подачи А.Т. Мэхэна позднее переняли и Североамериканские Соединенные Штаты, свое наиболее яркое проявление она приобрела в геополитическом сдерживании СССР во время холодной войны.

Политический курс на сдерживание крупных государств Евразии получил обоснование в работах английских и американских геополитиков. По мысли теоретиков англо-саксонской классической геополитики, основную угрозу существованию и благосостоянию стран Запада, Ближнего и Среднего Востока, Южной и Восточной Азии представляют время от времени возникающие на пространствах Евразии как континента мировые империи и подобные им объединения народов. В разные эпохи к их числу относились союзы скифских племен, империя гуннов, Мировая Монгольская держава, Российская

¹ Уткин А.И. Мировой порядок XXI века. М.: Издатель Соловьев; Алгоритм, 2001. С. 380 – 381.

империя и социалистический лагерь во главе с СССР. Угрозу могли нести и потенциальные альянсы государств Старого Света. Например, принадлежавшая К. Хаусхоферу идея «континентального блока» или оси Берлин – Москва – Токио как антитеза англо-саксонским державам и их стратегии «анаконды»¹. Опасность этих политических систем, государств и союзов, по мнению британских и американских геостратегов, заключается в их способности контролировать и при необходимости мобилизовать превосходящие возможности всех других стран и народов на иных континентах ресурсы для соперничества с западными державами. Данной точки зрения придерживались Х. Маккиндер, Г. Моргентау, Зб. Бжезинский, П. Вулфовиц и другие мыслители. Тем самым, подобного рода политические системы, государства и союзы стран приобретали бы качества господствующей силы в Большой Евразии.

Выявление характеристик мировых империй, государств-гегемонов, глобальных лидеров и формирующихся вокруг них союзов относится к задачам исследований по истории международных отношений и мировой политики. В этой области анализируются циклы функционирования глобальной политической системы и роль в ней государств-лидеров, таких как Португалия, Нидерланды, Британия и США (мировых империй, в число которых иногда включается и Испания). Лидеры мировой политической системы имели как сходные базовые характеристики – экономическое доминирование, военную силу, культурную привлекательность, так и некоторые дополнительные качества, приобретавшиеся с каждым новым циклом развития и которых не было у их предшественников.

В частности, П. Кеннеди, исследуя процессы подъема и упадка (взлета и падения) великих держав (мировых империй, гегемонов и глобальных лидеров) за последние полтысячи лет, к признакам таких государств относит военную мощь и устойчивый экономический рост. Подъем всегда ознаменован чрезвычайно быстрым экономическим ростом, который влечет за собой и наращивание военного могущества великой державы. Этот рост, не будучи чем-либо ограниченным, в свою очередь, истощает ресурсы страны и приводит к ее экономическому спаду, за которым следует утрата ею значительных силовых возможностей².

В развитии современной мир-системы, история которой насчитывает уже более пятисот лет, И. Валлерстайн выделял циклы гегемонии, определяемые механизмом подъема (победы как следствия роста эффективности сельского хозяйства, торговли, а затем и финансового сектора внутри лидирующей страны на

¹ Хаусхофер К. О геополитике: Работы разных лет. М.: Мысль, 2001. С. 371–418.

² Кеннеди П. Взлеты и падения великих держав: Экономические изменения и военные конфликты в формировании мировых центров власти с 1500 по 2000 г. / Пол Кеннеди; [пер. с англ. Е. Калугина, М. Леоновича]; [предисл. В. Рыжкова]. Екатеринбург: Гонзо, 2018.

фоне спада в мировой экономике), достижения зрелости (переноса международного финансового центра в страну-лидера, ее ведущие позиции в производственной и торговой сферах, принуждение других государств к открытию их экономик) и падения (серьезного снижения эффективности производства, влекущего за собой и утрату страной-лидером господства и развертывание борьбы других сил за наращивание своих долей на мировом рынке) мировой державы (Нидерландов, Британии и США). Фактором ее гегемонии выступает длительный контроль над капиталовложениями на глобальном рынке, позволяющий создать мир-системную инфраструктуру – транспортные, коммуникационные и финансовые сети, охватывающие мир дипломатические учреждения и военные базы государства-гегемона¹.

Тот же набор государств-гегемонов обосновывал П. Тейлор. Согласно его подходу, гегемония обеспечивается за счет более эффективного, чем у конкурентов, и монопольного производства пользующейся широким спросом инновационной продукции, формирования торговых преимуществ и финансового господства на глобальном уровне, международного доминирования при помощи организации выгодного баланса сил и недопущения формирования коалиций противников, распространения идеологии либерализма, пользующейся популярностью за рубежом. Падение гегемона обусловлено заимствованием его технических новаций, более высоким уровнем производства у его оппонентов, а также утратой торгового и финансового доминирования².

Как полагал Дж. Арриги, гегемон – государство, восстановившее после длительной дезорганизации мир-систему и взявшее на себя руководство и управление ею. Условиями гегемонии служили способность господствующих в таком государстве групп вести мир-систему к новым формам международной кооперации и разделения труда, а также предлагать системные решения стоящих перед мир-системой острых проблем. Кризисы гегемонии вызываются усилением межгосударственной и деловой конкуренции, ростом социальных столкновений и возникновением новых конфигураций власти³. Гегемония в состоящих из чередующихся фаз материальной и финансовой экспансии системных циклах накопления (голландском, британском и американском) являлась результатом неформального политического союза капитала и государства. Таковы симбиоз основанного на системе перевалочной торговли и акционерных компаний

¹ Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / Пер. с англ. П.М. Кудюкина; Под ред. Б.Ю. Кагарлицкого. СПб.: Университетская книга, 2001. С. 97; Новиков К.Е. Мир-системная теория И. Валлерстайна: анализ идейных истоков спорных суждений о российской истории // Социологический журнал. 2015. Т. 21. № 2. С. 130 – 149.

² Taylor P. Political Geography: World-Economy, Nation-State and Locality. L.: Longman, 1993.

³ Арриги Дж. Глобальное правление и гегемония в современной мир-системе // Прогнозис. 2008. № 3. С. 9 – 10.

голландского капитала и республики Соединенных Провинций; полное слияние занявшего центральное положение в мировой торговле и промышленном развитии, игравшего ведущую роль на глобальных кредитных рынках британского капитализма и империализма; а затем выросшего за счет индустриализации и транспортной революции, контролировавшего мировые финансы американского капитала и располагавшего глобальной военной мощью правительства Соединенных Штатов. Наиболее жизнеспособной стратегией таких симбиозов стало накопление власти за счет расширения их влияния на денежный капитал и сообразного приращения ими территорий. Успех этой стратегии определялся наличием относительного баланса сил в Европе и обеспечением привилегированного доступа будущего и состоявшегося гегемона к колониальным ресурсам за пределами субконтинента, что и предоставляло власть внутри него¹.

По мнению Дж. Модельски, превращение нации-государства в глобального лидера происходит при наличии нескольких предпосылок – темпоральных и пространственных.

Такое государство должно, во-первых, пройти эволюционный процесс отбора, состоящий из 4 фаз. Первая фаза – «определение повестки дня», которая возникает при исчерпании предыдущей повестки и делегитимации элементов прежнего мирового порядка и лидера. В этой фазе происходит выявление в ходе острых дискуссий между политическими акторами тех глобальных проблем, которые стоят перед мировым сообществом – угроз глобальной безопасности, общих проблем организации мировой системы и специфических политических вопросов вроде перспектив и условий конкуренции великих держав и появления нового мирового лидера. Вторая фаза – «построение коалиций», содержание которой заключается в формировании выступающих в поддержку или против существующего миропорядка альянсов стран, либо альянсов «незаурядных альтернатив» – новых наборов задач. Эти процессы протекают на фоне ослабления доминирующей мировой державы и «деконцентрации» мировой системы. Третья фаза – «макрешение» представляет собой длительный конфликт между государствами-претендентами на мировое лидерство, «глобальное испытание силы» зачастую в форме мировой войны, завершающейся победой одного из них. Четвертая фаза – «исполнение», являющаяся собственно процессом решения глобальных проблем.

Во-вторых, мировой лидер должен обладать несколькими качествами – четырьмя необходимыми условиями. Прежде всего, это наличие политико-стратегической организации глобального радиуса действия (формируемый благодаря островному положению государства-лидера и позволяющий контролировать мировые морские пути океанский флот, воздушная, космическая и информационная мощь, дипломатические и разведывательные возможности, необходимые

¹ Арриги Дж. Утрата гегемонии – II // Прогнозис. 2005. № 3. С. 9 – 25.

для победы в мировых войнах и постконфликтного урегулирования). Это передовая экономика (создаваемые в условиях рыночных отношений и являющиеся образцом для подражания авангардные и перспективные отрасли промышленности и финансовая мощь, требующаяся для спонсирования глобальных программ) и открытое общество (потенциал демократии, партийная система). Наконец, мировой лидер должен быть отзывчивым на мировые проблемы (опирающиеся на опыт обеспечения свободы слова сильные и активные масс-медиа, культурно-образовательные сети, открытые научные и «эпистемические» сообщества, ранее – представительные и законодательные органы, способные перевести неартикулированное мировое общественное мнение в мировую повестку дня)¹.

К качествам государств, бросивших вызов мировому лидеру, Дж. Модельски отнес противоположные его атрибутам признаки. Это мощная сухопутная армия, но предназначенная для проведения операций не глобального, а только регионального уровня. Это сильная экономика, опирающаяся, однако, на сырьевые отрасли и сельское хозяйство и не ориентированная на взаимодействие с миром. Это закрытое общество, а также слабые и ориентированные на освещение в основном национальной повестки дня масс-медиа². Необходимыми условиями мировой империи на примере Монгольской державы Модельски считал способную вести боевые действия в любом районе континента кавалерию, военный способ получения прибавочного продукта (сбор дани), общественное расслоение и определение глобальных проблем правящим слоем страны³.

А.И. Уткин обратил внимание на факторы американской гегемонии во время непродолжительного периода однополярного мира на рубеже XX – XXI вв. Во-первых, на главенство Соединенных Штатов в мировой валютной системе и торговле, обладание сильнейшими транснациональными корпорациями, предоставление экономической и гуманитарной помощи в крупных масштабах другим странам, привлечение молодых талантов по всей планете в университеты и бизнес. Во-вторых, на широкий арсенал средств ядерного сдерживания, стратегическую и оперативно-тактическую авиацию, крупнейшую спутниковую группировку, глобальную сеть военных баз, авианосные соединения, подводный флот, силы специальных операций, что обеспечивало США господство на море и воздухе и контроль над ключевыми регионами мира – Европой и Восточной Азией. В-третьих, на управление мировым общественным мнением за счет контроля над глобальными масс-медиа и повсеместного распространения продукции

¹ Модельски Дж. Эволюция глобальной политики (I) // Полис. Политические исследования. 2005. № 3. С. 65 – 73.

² Модельски Дж. Эволюция глобальной политики (I) // Полис. Политические исследования. 2005. № 3. С. 73, 78 – 80.

³ Модельски Дж. Эволюция глобальной политики (II) // Полис. Политические исследования. 2005. № 4. С. 135.

Голливуда, воспитание и обучение будущей элиты зарубежных стран и иностранных студентов, производство модной одежды, музыки, видео и компьютерных игр¹.

Как видно из перечней качеств великих держав, лидеров и гегемонов, обособываемых в различных концепциях в области истории международных отношений и мировой политики, в роли глобальных центров силы в последние пятьсот лет неизменно выступали великие морские державы. Государства, бросавшие им вызов («челленджеры»), например, Испания, Франция и Германия, по геоэкономическим критериям (макроположению государств относительно моря²) фактически относятся к этому же типу, а не к разновидности континентальных стран. Поэтому большую часть времени существования современной мир-системы борьба за лидерство и гегемонию в ней шла не между морскими и сухопутными державами, а в основном между странами океанического типа. Сама же современная мир-система оказывается непрерывно расширявшейся пространственно морской цивилизацией, к концу XX в. включившей в сферу своих связей почти весь мир. Единственным случаем доминирования на евроазиатском континенте, исследованным в концепции длинных циклов мировой политики, оказалась Мировая Монгольская держава, другие сухопутные государства прошлого в этой роли Дж. Модельски не рассматривались. Поскольку подобная задача и не ставилась, это не позволило выявить темпоральные и пространственные характеристики господствующей силы евроазиатского континента, поэтому попытаемся в определенной мере восполнить данный пробел.

Довольно продолжительные периоды своего многотысячелетнего существования Евразия представляла собой историческую систему, невысокий уровень целостности которой поддерживался в первую очередь за счет торгово-экономических, дипломатических, культурных, духовных связей между ее составляющими—единицами типа государств, региональных империй, городов, народов, конфессиональных общностей и т.п. Политическое объединение этих исторических единиц в масштабах значительной части континента случалось редко. В отличие от мир-системы эпохи модерна, появившейся вокруг одного ядра в Западной Европе, на евроазиатском континенте подобных длительно существующих, экономически и технологически развитых «ядер» было несколько. Это Китай, Индия, Персия, арабский мир, Россия и др. Все они или большая часть их населения, как правило, размещались на географической периферии континента у побережий Индийского и Тихого океанов, что было выгодным с точки зрения

¹ Уткин А.И. Мировой порядок XXI века. М.: Издатель Соловьев; Алгоритм, 2001. С. 16 – 24.

² Безруков Л.А. Геоэкономические основы геополитики (на примере концепции континентально-океанической дихотомии). Часть 1. // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2012. № 1. С. 145 – 151.

обеспечения их торговых связей и социально-экономического развития. Роль медиатора и интегратора в Евразии исполняли проживавшие в значительно удаленных от океанов, хозяйственно «обездоленных» центральных регионах материка и отличавшиеся высокой мобильностью кочевые народы¹, среди которых можно особо выделить тюркские и монгольские племена и государства. Среди оседлых народов попытки интеграции больших пространств континента предпринимались Китаем эпох Тан (по оси Великого шелкового пути) и Цин, а также имперской Россией и Советским Союзом. Субстратом консолидационных процессов служили наиболее оживленные торгово-транспортные коммуникации – сухопутные через Ближний и Средний Восток, Центральную и Южную Азию, а также морские вдоль южного побережья континента.

Господство в общем виде предполагает силовое превосходство какой-либо социально-политической общности или организации над другими подобными структурами в определенном пространстве или сфере. Соответственно господство какого-либо политического субъекта на континенте может означать его превосходство по параметрам комплексной мощи (экономического, технологического, военного и демографического потенциалов, «мягкой силы») над другими субъектами на значительной части или всей территории материка, а также всех или некоторых омывающих его морях. Принимая во внимание такое понимание господства на континенте, определим его критерии – пространственные, силовые и субъектные характеристики превосходства какой-либо социально-политической общности, либо организации на евроазиатском материке.

Собственно, пространственные критерии мировой державы, контролирующей континент, были введены еще в классической геополитике. Так, по мнению Х. Маккиндера, мировая держава должна господствовать над хартлендом – будь то регион Центральной и Восточной Европы или же сердцевина всего континента, географически смещенная к северу. Территориальной осью мировых империй, организованных усилиями кочевых народов, как правило, служила не имеющая каких-либо географических барьеров в виде рек или гор полоса от Венгерской равнины до пустыни Малая Гоби в Манчжурии². Маккиндер также полагал, что объединение «ресурсов великого континента» с «океаническим фасадом», т.е. континентальной и континентально-океанической держав Евразии (хартленда и крупной страны «внутреннего полумесяца») привело бы к возникновению «серьезной опасности для мировой свободы», т.е. основанной на

¹ Савицкий П.Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997. С. 341; Лушников О.В. Евразийская интеграция: истоки и перспективы // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2021. Вып. 4. Ч. 1. С. 237.

² Маккиндер Х. Дж. Географическая ось истории // Классика геополитики. XX в.: сб. / сост. К. Королев. М.: АСТ, 2003. С. 7 – 30.

господстве на море британской гегемонии¹.

Российский военный и политический деятель А.Е. Вандам (Едрихин) обратил внимание на географические границы геополитического сдерживания Российской империи со стороны англо-саксонского мира. Сдерживание предполагало оттеснение русского народа от тихоокеанского побережья вглубь Сибири и воспрепятствование его продвижению на юг Евразии за пределы полосы между 30-м и 40-м градусами северной широты². В этой полосе в течение в XIX - начале XX вв. шла «Большая игра» России и Британии, опасавшейся продвижения континентальной империи в Индию. Полоса между 40-й и 30-й параллелями включает в себя не только указанное Х. Маккиндером пространство, но и распространяется в южном направлении континента, переходя в римленд. Соответственно, данная полоса предстает как территориальная граница, выход за которую означал для англо-саксонских правящих кругов стремление России к гегемонии на континенте.

Как и Х. Маккиндер, П.Н. Савицкий и другие представители евразийства указывали на роль контроля над Великой степью – пустынно-степной полосой, протянувшейся с запада (Восточная Галиция) на восток (север Китая в районе Великой китайской стены) континента, для образования мировых империй гуннов и монголов. Значение данной пустынно-степной полосы для господства на Евразийском континенте заключено в ее коммуникативных свойствах – она обеспечивает практически беспрепятственный доступ и позволяет связать между собой Европу, Средний и Ближний Восток, Восточную Азию³. Сама пустынно-степная полоса входит в более обширное географическое и социально-историческое пространство – Евразию как месторазвитие кочевых этносов и русского народа. Это месторазвитие не занимает весь материк и представляет собой «систему великих низменностей-равнин»: Беломоро-Кавказской, Западно-Сибирской и Туркестанской⁴. В общем, анализ представлений классической геополитики позволяет прийти к заключению о том, что пространственным критерием господства на евроазиатском материке служит контроль над Великой степью и сопредельными ей регионами: Восточной Европой, Сибирью, Западной, Центральной и Восточной Азией.

Тесно связанными с пространственными признаками являются транспортно-коммуникационные и инфраструктурные критерии господства на материке. Исстари связи народов евроазиатского

¹ Mackinder H.J. The Round World and Winning of the Peace // Foreign Affairs. 1943/ Vol. 21. № 4. P. 597.

² Вандам (Едрихин) А.Е. Геополитика и геостратегия // Око планеты [сайт]. URL: <https://oko-planet.su/first/73518-vandam-a-e-geopolitika-i-geostrategiya.html> (дата обращения: 2.07.2022).

³ Савицкий П.Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997. С. 284 – 285, 296 – 299, 348 – 349.

⁴ Вернадский Г.В. Начертание русской истории. М.: Алгоритм, 2018. С. 8.

континента осуществлялись по наземным, внутренним водным и морским торговым путям. По наземным и внутренним водным путям происходили товарообмен, распространение технических и технологических новшеств с Востока на Запад. Вплоть до XVI в. ключевую роль в этом играли дороги Великого шелкового пути, проходившие по степям, полупустыням и горным ущельям и не требовавшие серьезных затрат на их обустройство. За контроль над этими коммуникациями шла почти не прекращавшаяся борьба, победу в которой одерживали крупные сухопутные государства. Также большое экономическое значение для запада, юга и востока Евразии имели морские коммуникации вдоль побережья континента, а именно Морской Шелковый путь. Он проходил в Индийском и Тихом океанах, связывая Африку, Европу и Средиземноморье с Южной, Юго-Восточной и Восточной Азией. Однако контроль над этим путем ни одним из сухопутных государств так и не был достигнут. Судоходство в морях Северного Ледовитого океана в Средние века и Новое время в силу климатических причин и ледовых препятствий носило ограниченный характер, и перевозки по Северо-Восточному проходу еще не могли обеспечить транспортную связь Европы и Восточной Азии. Первая и вторая промышленные революции придали импульс дальнейшему росту транспортной и инфраструктурной связанности материка. В конце XIX столетия начинается строительство трансконтинентальных железных дорог, а в первой половине следующего века – освоение Северного морского пути. В XX и XXI вв. к транспортным путям общего пользования добавилась транснациональная инфраструктура топливно-энергетического комплекса, связи и информационных коммуникаций, банковской сферы и др. Развитие данной инфраструктуры ознаменовало процессы интернационализации экономической жизни стран материка, появление технической базы для их интеграции и, при появлении в дальнейшем прочих условий, потенциального контроля над ними.

В качестве важного комплексного критерия, демонстрирующего силовые предпосылки для превращения крупного государства в мировую державу-гегемона, политологами (Э. Люттваком¹, Г. Аллисоном² и др.) нередко рассматриваются рост мощи (возвышение) кандидата на этот статус. Сам этот рост базируется на интенсивном экономическом и научно-техническом развитии, разработке и создании передовых промышленных технологий, т.е. нового технико-технологического уклада. Появление данных технологий, как правило, расценивается как шаг к их последующему переносу в отрасли оборонной промышленности находящейся в процессе возвышения страны. Соседними государствами и великими державами эти действия

¹ Люттвак Э.Н. Возвышение Китая наперекор логике стратегии. М.: Изд-во Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, Университет Дмитрия Пожарского, 2016.

² Аллисон Г. Обречены воевать / Г. Аллисон; [пер. с англ. В. Желнинова]. М.: Издательство АСТ, 2019.

зачастую интерпретируются как подготовка возвышающейся страны к модернизации своих вооруженных сил и приближение того не столь отдаленного момента, когда она пожелает изменить в свою пользу сложившийся расклад сил в регионе или на глобальном уровне.

В частности, в этом ракурсе Э. Люттваком был проанализирован случай возвышения Германии в Европе в конце XIX в. К 1890 г. эта страна опередила Великобританию по индустриальным инновациям (в сталелитейной и химической промышленности), обладала лучшими университетами, крупнейшими банками и передовой системой социального обеспечения населения. Германия продолжала наращивать капитал и финансирование изобретательской деятельности с тем, чтобы превзойти мирового лидера в других отраслях экономики. Для перехода к статусу глобальной державы Германии, по мысли ее правящих кругов, требовалось создать океанский военный флот, программа строительства которого в дальнейшем устойчиво реализовывалась. Однако данное решение вкупе с прогнозом о выходе Германии в течение 30 лет (1890 – 1920 гг.) на первые позиции в мире по экономической мощи вызвали озабоченность британского правительства. Оно и организовало коалицию держав, покончившую с возвышением Германии по итогам I мировой войны. Сходным образом рассматривается и современное нам «мирное возвышение» Китая, рискующего будто бы попасть в «ловушку Фукидида»¹.

Применительно к возвышению мировой державы в Евразии, по-видимому, сохраняют свое значение наращивание таким государством экономической мощи, финансовых ресурсов, а также передовая система образования и научно-технический прогресс. Мировая сухопутная держава должна выступать одним из крупнейших производителей товаров и услуг в глобальном масштабе и иметь обширные внешнеторговые связи, включая в свой состав одно или несколько экономически и технологически развитых «ядер» материка. Экономика мировой сухопутной державы, если судить по опыту СССР, хотя зачастую и носит сырьевой и автаркический характер, не исключает высокую степень индустриализации и развитие передовых отраслей промышленности. То же самое можно утверждать и применительно к развитию образования и науки, однако постоянное внедрение новаций в обучение и производство в такой стране оказывается непростой задачей.

Однако данными признаками возвышение мировой сухопутной державы не исчерпывается: на ней лежит ответственность за «конструирование мега-целостности», хозяйственное объединение чрезвычайно гетерогенного в экономическом, политическом и культурном ракурсах континента. Сегодня оно возможно за счет нескольких факторов: эффективного взаимного дополнения национальных экономик с их разумной автаркией на

¹ Люттвак Э.Н. Возвышение Китая наперекор логике стратегии. М.: Изд-во Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, Университет Дмитрия Пожарского, 2016. С. 49 – 57.

уровнях от межрегиональных производственных комплексов до межгосударственных интеграционных объединений¹; создания общей транспортной системы, иной инфраструктуры; реализации совместных инвестиционных проектов, либерализации торгово-экономического сотрудничества, в том числе в форме зон свободной торговли и свободных инвестиций; формирования общих финансовых институтов, неформальной интеграции «снизу» на базе Интернета и цифровизации²; выстраивания транснациональных рынков и потоков энергетического сырья, продовольствия, трудовых ресурсов, финансов и др.³; экономики сотрудничества (въездного туризма, экспорта образовательных услуг, евроазиатских масс-медиа, приграничного сотрудничества)⁴.

Для господства на материке вместо океанского военного флота востребованной становится армия или, перефразируя Дж. Модельски, «политико-стратегическая организация континентального радиуса действия». У кочевых империй данную роль играла кавалерия, у более поздних материковых мировых держав – сухопутные войска с постоянно возрастающей мобильностью, маневренностью и ударно-огневой мощью. Кроме того, континентальный радиус действия обеспечивают мобильные силы (в том числе воздушно-десантные войска), все рода военной авиации, ракетные средства средней и большой дальности. Минимально необходимым для отражения угроз с моря и господства на континенте является военный флот ближней морской зоны: он служит инструментом контроля мировых сухопутных держав над своими акваториями и проходящими вдоль их побережья торгово-транспортными путями. Наличие у мировой сухопутной державы флота дальней морской или океанской зоны становится желательным при появлении у нее интересов по хозяйственному освоению мирового океана и сдерживанию вероятных противников.

Субъектным критерием господства в Евразии может рассматриваться наличие большого по численности политически организованного народа (сообщества государств), проживающего в районах прохождения транспортных коммуникаций и инфраструктуры континентального значения и контролирующего их, а также выполняющего функции медиатора при взаимодействии стран и регионов между собой. Проявлениями «мягкой силы» народа-

¹ Дружинин А.Г. Современная Евразия: эволюция геоконцепта в меняющихся геополитических и геоэкономических реалиях // Научная мысль Кавказа. 2017. № 2. С. 5 – 12.

² Хейфец Б. Глобальные партнерства и трансрегионализация «Большой Евразии» // Постсоветский материк. 2018. № 3. С. 47 – 56.

³ Дружинин А.Г. Современная Евразия: эволюция геоконцепта в меняющихся геополитических и геоэкономических реалиях // Научная мысль Кавказа. 2017. № 2. С. 5 – 12.

⁴ Положихина М.А. Экономика добрососедства как стратегия развития сотрудничества в Большой Евразии // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2018. Вып. 1. Ч. 2. С. 305 – 309.

медиатора или иного субъекта господства на континенте могут служить широкое использование его языка, популярность литературы, распространение идей и духовных ценностей, привлекательность его традиционной и современной культуры, системы образования, тесное взаимодействие с диаспорой.

Таким образом, господство в Евразии является результатом деятельности крупных союзов племен, империй и государств-наций по трансформации конгломерата социальных и политических общностей в целостную систему, как правило, занимающую обширное пространство Восточной Европы, Сибири, Западной, Центральной и Восточной Азии. Факторами консолидации материка и критериями господства в Евразии служат пространственные, транспортно-коммуникационные и инфраструктурные, демографические, культурные, экономические, технологические и военные основания.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Вернадский Г.В. Начертание русской истории. – М.: Алгоритм, 2018. – 336 с.
2. Модельски Дж. Эволюция глобальной политики (I) // Полис. Политические исследования. 2005. № 3. С. 62 – 82.
3. Модельски Дж. Эволюция глобальной политики (II) // Полис. Политические исследования. 2005. № 4. С. 124 – 142.
4. Уткин А.И. Мировой порядок XXI века. – М.: Издатель Соловьев; Алгоритм, 2001. – 480 с.

REFERENCES

1. Vernadsky G.V. The outline of Russian history [*Nachertaniye russkoy istorii*]. – Moscow: Algorithm, 2018. – 336 p.
2. Modelski J. Evolution of global Politics (I) [*Evolyutsiya global'noy politiki (I)*] // Polis. Political studies. 2005. No. 3. pp. 62 – 82.
3. Modelski J. Evolution of Global Politics (II) [*Evolyutsiya global'noy politiki (II)*] // Polis. Political studies. 2005. No. 4. pp. 124 – 142.
4. Utkin A.I. The world order of the XXI century [*Mirovoy poryadok XXI veka*]. – Moscow: Publisher Solovyov; Algorithm, 2001. – 480 p.

*ФЕДЯКИН Иван Владимирович
доктор политических наук,
профессор, заведующий
кафедрой «Философия»,
Российский университет
транспорта, Москва, Россия
fedyakin_iv@mail.ru*

*FEDYAKIN Ivan Vladimirovich
doctor of political sciences,
professor, head of the department
«Philosophy» of Russian university
of transport, Moscow, Russia
fedyakin_iv@mail.ru*

**Государственная информационная политика России:
вызовы современности и возможности использования
отечественного опыта / State information policy
of Russia: challenges of modernity and the possibility of
using domestic experience**

Аннотация

В статье рассматривается проблема определения возможностей и пределов использования в современных условиях опыта Российского государства в области формирования и реализации информационной политики в дореволюционный и советский периоды. Отмечается, что сама по себе деятельность в информационной сфере не является чем-то новым для многовековой отечественной государственности, вместе с тем, в конкретно-исторических условиях она имеет формальные и содержательные особенности. Учет последних крайне необходим при попытках задействования прошлого опыта осуществления информационной политики в настоящее время.

Ключевые слова

Россия; государственная информационная политика; современные вызовы и угрозы; отечественный опыт.

Abstract

The article deals with the problem of determining the possibilities and limits of using the experience of the Russian state in the field of formation and implementation of information policy in the pre-revolutionary and Soviet periods in modern conditions. It is noted that the activity in the information sphere itself is not something new for the centuries-old national statehood, at the same time, in concrete historical conditions, it has formal and substantive features. Taking into account the latter is extremely necessary when trying to use the past experience of implementing information policy at the present time.

Keywords

Russia; state informational policy; modern challenges and threats; domestic experience.

Современные реалии, знаменующие собой наступление качественно нового этапа в мировой политике, ключевым мега-трендом которого является исторически беспрецедентная поляризация

международных отношений и взрывной рост общепланетарной турбулентности в подавляющем большинстве наиболее значимых сфер человеческой деятельности, выдвигают на передний план целый комплекс теоретических и практических задач. Эти задачи в основной своей массе так или иначе связаны с обеспечением устойчивого функционирования национального государства в эпоху глобальной нестабильности, а также его успешной адаптации к характеризующим эту эпоху явлениям – «гибридным», «прокси-», санкционным и т.п. войнам, инициируемому различными центрами силы «управляемому хаосу» и т.д. При этом еще более значимую роль, чем прежде, начинает играть информация: она стремительно превращается из обычного ресурса политики, пусть и имеющего, наряду с актуальными, также и потенциальные измерения, в один из ее ключевых факторов. Более того, события, современниками которых мы являемся, позволяют сделать вывод об уверенном обретении информацией статуса одной из системообразующих детерминант, определяющих векторы и приоритеты проводимой государством внутри страны и на международной арене политики, а также количество и качество задействуемых для ее реализации сил и средств. А потому информационная сфера, при всей разработанности ее концептуальных основ и их более-менее достаточном обозначении на уровне документов стратегического планирования и оформлении в нормативно-правовых актах, вместе с тем, нуждается в постоянном внимании со стороны лиц, принимающих политико-управленческие решения. Само собой понятно, что от этих лиц в столь непростых условиях, с учетом крайне напряженной и динамично меняющейся политической повестки, требуется максимальная сосредоточенность и выдержка, профессионализм и четкость, здравая оценка текущих событий и реалистичный прогноз возможных последствий предпринимаемых действий.

Для России, оказавшейся в последние несколько лет и даже месяцев на переднем крае глобального противостояния, прежде всего с силами т.н. «коллективного Запада», а также в максимальной степени вовлеченной, нередко против своей воли, в разного рода сложнейшие процессы и противоречия мирового масштаба, искусство работы с информацией – как с объективной, включая ее получение, хранение, обработку и передачу, так и с разного рода «вбросами» и «фейками», включая их раннее предупреждение, оперативное обнаружение и эффективную нейтрализацию – является таким же востребованным, как военная мощь, компетенции в сфере высоких технологий, возможности в жизнеобеспечивающих отраслях промышленности и т.д. Ведь на текущую жизнь нашей страны и ее будущее информация и связанные с ней явления, процессы и пр. оказывают сегодня, возможно, как никогда ранее, колоссальнейшее воздействие. И вызовы последних двух-трех лет, наиболее значимыми из которых стали пандемия новой коронавирусной инфекции и проведение специальной

военной операции, а также обусловленные ими реалии практически во всех сферах жизни российского общества и государства, являются наглядным подтверждением данной тенденции.

В этой связи встает вопрос о том, насколько проводимая государством политика в информационной сфере соответствует новейшим тенденциям, насколько осуществляемые административно-управленческими структурами, которые наделены соответствующими полномочиями, меры и действия информационного характера эффективны, насколько понятны для российского общества сигналы и послы власти, а главное – насколько они принимаемы широкими слоями населения и отдельными гражданскими институтами. Произошедшие за последнее время события свидетельствуют о том, что, к глубокому сожалению, далеко не все в этой сфере оказалось в должном порядке, не везде государство продемонстрировало высокую степень готовности к уже имевшимся и вновь возникшим угрозам, а общество, в свою очередь, отнюдь не во всем повело себя надлежащим образом, не всегда демонстрируя ту самую «предками данную мудрость народную». Можно долго перечислять «темные пятна» минувших месяцев и лет: непоследовательная и противоречивая информация о реальных масштабах пандемии и антиковидных планах федеральных и региональных властных структур, увлечение отдельных чиновников медиаприсутствием в целях самопиара, несдержанность немалого числа отечественных СМИ в погоне за очередными сенсациями и открытое нагнетание ими истерии, рост панических настроений в обществе, включая массовую скупку товаров повседневного спроса, а также негативное отношение к вакцинации в условиях в том числе отсутствия достоверной информации и адекватных каналов ее доведения до рядовых граждан, наконец, повторение данных явлений в соответствующих ракурсах и пропорциях весной и осенью 2022 г. – многих из этих нелицеприятных фактов, думается, можно было бы избежать, если бы государство действовало более уверенно в информационной сфере, а его органы работали бы более активно с целевыми социальными группами.

В ситуации признания имевших место отдельных неудач и ряда просчетов становится востребованным всесторонний анализ их причин. Такой анализ на определенном этапе делает оправданным обращение в том числе к прошлым отечественным теоретическим и практическим наработкам в области формирования и реализации соответствующего направления государственной политики. А любое компаративно-ретроспективное исследование неизбежно ставит вопрос о возможностях и пределах задействования имеющегося опыта в современных условиях. И применительно к информационной сфере данный вопрос звучит особо остро: информация – один из самых динамично развивающихся феноменов общественной и государственной жизни, связанные с ним всевозможные новшества технико-технологического и т.п. порядка появляются и внедряются

с несопоставимой с другими областями скоростью и в кратно превосходящих эти области масштабах, а кардинальные перемены происходят порой не то что ежегодно, а ежемесячно. Соответственно, то, что использовалось государством в информационной сфере в предыдущие эпохи, требует, как минимум, скрупулезного разбора своих форм и содержания с точки зрения их как результативности в прошлом, так и применимости в современных реалиях.

Самый беглый взгляд на дошедшие до наших дней памятники отечественного права позволяет установить, что первые попытки регламентировать подачу информации восходят к XI в. и обнаруживаются в церковной сфере (т.н. списки «отреченных» книг, впоследствии не раз дополнявшиеся и корректировавшиеся). Спустя несколько столетий, по мере становления и развития Русского централизованного государства, происходило постепенное расширение международных связей, которое благодаря изобретению печатного станка в Европе в конечном итоге способствовало усилению идущего в Россию информационного потока. А это, в свою очередь, делало необходимым установление государственного контроля над информацией, прежде всего содержащейся на бумажных носителях¹. В 1551 г. по итогам Стоглавого собора был составлен «Стоглав», один из разделов которого – «О книжных писцах» – определял полномочия представителей духовенства по контролю за всей появлявшейся в стране литературой. Годом раньше, в 1550 г., был принят Судебник, устанавливавший ответственность за «бесчестье» – словесное оскорбление или ложный донос на представителей боярской аристократии, служилых людей и членов их семей. Соборное уложение 1649 г. в первых двух главах вводило суровые наказания, соответственно, за богохульство и неуважение к церкви, а также за злословие в адрес государя и зломыслие против него. «Поносительные письма», «пасквили», «бранные и ругательные слова», «позорные речи» и «срамные песни» объявлялись вне закона в принятом Петром I в 1715 г. «Артикуле воинском». Наконец, указом Екатерины II от 16 сентября 1796 г. «Об ограничении свободы книгопечатания и ввоза иностранных книг; об учреждении на сей конец Цензур в городах: Санкт-Петербург, Москва, Рига, Одесса и при Радзивилловской таможне, и об упразднении

¹ В немалой степени этому способствовало появление и активное распространение в Европе сочинений русофобского содержания, ставших своего рода предтечей информационно-психологической войны «коллективного Запада» против России, развернувшейся в XIX в. и, по сути, не прекращающейся до сих пор. Крупный отечественный мыслитель, представитель Русского Зарубежья И.А. Ильин, изнутри видевший этот самый «коллективный Запад», на рубеже 1940-х – 1950-х гг. писал о необходимости противодействовать «ненавистникам России», которые хотят «унизить и очернить русскую культуру, изобразить русский народ, как рабский народ, достойный своего рабства, ...подготовить расчленение русского государства и завоевание русской территории, ...исказить, унизить и покорить его христиански-православное исповедание» (цит. по: Ильин И.А. Ненавистники России // Ильин И.А. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 2. Кн. 2. М.: Русская книга, 1993. С. 250).

частных типографий» в России была утверждена регулярная цензура¹.

XIX столетие в России ознаменовалось активной деятельностью власти по разработке и принятию уставов о цензуре – довольно развернутых нормативных документов, устанавливавших структуру цензурного аппарата государства и регламентирующих его деятельность, а также определявших пути и механизмы цензуры различных печатных произведений. Обращает на себя внимание тот факт, что новые цензурные уставы, а также поправки к ним и сопутствующие документы (указы, положения, регламенты и т.д.) принимались с заметной регулярностью (в 1804, 1812, 1826, 1828, 1857, 1862, 1863, 1865, 1868, 1870, 1876, 1882, 1886, 1890 годах). Это является дополнительной иллюстрацией выдвинутого нами выше тезиса о чрезвычайной динамичности информационной сферы – законодательство просто не поспевало за ее развитием, а потому нуждалось в постоянном совершенствовании и уточнении. Неслучайно, например, в датированной 1900-м годом «Докладной записке цензора Санкт-Петербургского Цензурного комитета...» отмечалось, что «в последние годы, наряду со многими полезными произведениями печати, неоднократно были случаи издания безцензурных сочинений, исполненных самыми опасными лженаучными сведениями, стремившихся ниспровергнуть священные истины религии, извратить понятия нравственности и поколебать коренные основы государственного и общественного порядка... Под влиянием такой пропаганды многие молодые люди впадали в пагубные заблуждения и иногда вовлекались в поступки, вынуждавшие принятие против них мер, тягостных для них и для их семейств»². При этом с сожалением констатировалось, что «Самые существенные и серьезные вопросы из области общественной и государственной жизни в России не предрешаются с достаточной определенностью и ясностью. Так, например, вопрос о нерасторжимости и целостности Российской империи в области печати совсем не намечен, что дает возможность едва ли не опасной пропаганды сепаратистских стремлений и более чем своеобразного отношения к самостоятельной организации наших окраин... возникает то странное положение, что так называемая национальная печать чаще страдает от цензурных стеснений, чем так называемая либеральная и передовая с ее космополитическими принципами... Отсутствие соответствующих статей в Цензурном уставе делает его

¹ Любопытно, что занимавшие российский престол до Екатерины II Елизавета Петровна и Петр III, а также пришедший ей на смену Павел I, по сути, практиковали мероприятия не только информационной, но и исторической политики, предписывая своими указами «истреблять» отдельные документы и даже целые собрания дел, связанные с «неудобными» периодами правления их предшественников (подробно см.: Федякин А.В. Интересы государства и образ страны в манифестах российских самодержцев // Вестник Российской нации. 2022. № 1-2. С. 43).

² Соколов Н.М. Докладная записка цензора Санкт-Петербургского Цензурного комитета ст[атского] сов[етника] Н. Соколова о циркулярных распоряжениях по Главному управлению по делам печати с 1-го сентября 1865 по 1 января 1900 года. СПб., 1900. С. 5.

безличным, лишенным национальной окраски и бессильным в борьбе с элементами, которые имеют разлагающее влияние на русскую государственность и общественность»¹.

В XX в. наряду с общей получила распространение военная цензура. Участвовавшие войны и вооруженные конфликты различного масштаба, как следствие усиления противоречий между ведущими мировыми державами за раздел сфер влияния в различных уголках планеты, требовали соответствующих действий государства, в том числе в информационной сфере. В частности, в период Первой мировой войны был издан «Перечень сведений и изображений, касающихся внешней безопасности России и ее военно-морской и сухопутной обороны, оглашение и распространение коих в печати или в речах или докладах, произносимых в публичных собраниях, воспрещается». Редакция Перечня, утвержденная 10 августа 1916 г., содержала 30 пунктов, причем не только вполне очевидных в условиях военного времени («8. О боевой готовности армии и флота»), но и таких, на первый взгляд, сугубо мирных, например, как: «11. О сооружениях, подвижном составе, провозоспособности и техническом состоянии железных дорог, о работах на них, производящихся с целью развития пропускной способности; ...о постройке новых железных дорог; о нарушении и перерыве нормального железнодорожного движения»². Была развернута сеть военных цензоров на уровне фронтов и входящих в их состав крупных воинских формирований.

Впрочем, предпринимавшиеся монархической властью усилия на фронте и в тылу так и не спасли страну от общенациональной катастрофы, вызванной падением самодержавия и начавшейся после прихода к власти большевиков Гражданской войной. Кстати сказать, участвовавшие в ней представители Белого движения не без оснований критиковали царизм за недостатки в области информационной политики: «Императорское правительство не располагало независимым и связанным с общественными кругами информационным аппаратом. Специфическая восходящая информация не была и не могла быть ни объективной, отражая на себе физиономию ведомств, ни достаточно точной, не имея достаточно верных источников в народных массах. Посему, большим минусом прежнего правительства являлась его неосведомленность, оторванность от населения, которая, быть может, была одной из причин недостаточной популярности прежнего правительства и недостаточного понимания им истинных потребностей народа. Чтобы управлять — надо знать того, кем управляешь»³.

Большевики же, напротив, с самых первых дней своего нахождения во главе страны стали проводить довольно активную и содержательно

¹ Там же. С. 29–30.

² Цит. по: Авербах О.И. Законодательные акты, вызванные войною 1914–1916 гг. Т. IV. Пг., 1916. С. 653.

³ Цит. по: Общие указания по информации: пунктам сети отдела пропаганды. [Добровольческая армия. 6 мая 1919 г.] Б.м., 1919. С. 10–11.

весьма насыщенную информационную политику. Со временем она стала включать в себя комплекс самых разнообразных мероприятий: организационных (создание соответствующих полномочных органов в структуре правительства, национализация типографий, учреждение советской периодики в центре и на местах и т.д.), превентивных (заккрытие враждебных газет и запрет распространения оппозиционной литературы, введение монополии на объявления, преследование за инакомыслие и пр.), агитационно-пропагандистских (распространение печатных агитматериалов (газет, листовок, плакатов и т.п.), митинги на предприятиях, в городах и в сельской местности с участием видных деятелей партии и правительства, запуск агитпоездов и агитпароходов), общесистемных (начало кампании по ликвидации массовой безграмотности, формирование системы политического просвещения всех категорий населения и др.). По мере укрепления советской власти и развития средств массовой информации (сначала газет и журналов, затем – радио, а позднее – телевидения) «идеологически выверенная» агитация и пропаганда, с одной стороны, и тотальная цензура, с другой стороны, становились неотъемлемыми характеристиками общественного и государственного строя, по сути – его своеобразной визитной карточкой. Именно они на протяжении нескольких десятилетий обеспечивали единство политического пространства СССР, а также в немалой степени способствовали процессу «формирования новой исторической общности – советского народа», правда, так и не завершённому. И именно они оказались на острие политической борьбы в конце 1980-х – начале 1990-х гг., результатом которой стали дезинтеграция Советского Союза, а затем и появление в новой Конституции России до сих пор вызывающей дискуссии и разночтения статьи 13, провозгласившей политическое многообразие и сделавшей невозможным наличие у государства своей идеологии.

Оставляя за рамками настоящей статьи некоторые детали, обстоятельства частного порядка и т.д., связанные с исторической эволюцией информационной политики как направления деятельности Российского государства в различные периоды его существования, сформулируем наиболее общие выводы относительно прошлого опыта в данной сфере и возможностей его использования в современных условиях.

Прежде всего необходимо отметить, что уже на довольно ранних этапах развития отечественной государственности представителям властных кругов было в той или иной мере свойственно понимание значимости информации для обеспечения безопасности страны, поддержания в ней внутривластной стабильности и т.д. Однако выбранный властью запретительный уклон, вылившийся в традицию жесткого контроля и регламентации, с каждым очередным столетием получавших все новое нормативно-правовое оформление и все более широкое содержание, в условиях промышленной революции

и модернизационных процессов терял былую эффективность. Самодержавие упустило момент, связанный с необходимостью перехода от монологической к диалогической форме коммуникации с широкими слоями населения, им же самым освобожденного от крепостной зависимости (1861 г.) и наделенного всевозможными правами и свободами, начиная сферой местного самоуправления в сельской местности (1864 г.) и городах (1870 г.) и заканчивая политической сферой в целом (1905 г.). Да и содержательная сторона политической эмансипации российского общества, отличавшегося чрезвычайным разнообразием входивших в его состав социальных, культурных, национальных, религиозных, лингвистических и т.п. групп, самодержавием проработана в достаточной степени не была¹. Информационный вакуум, неизбежно возникший при резкой отмене ограничений, «открывании дверей» и т.д., стал быстро заполняться контентом иностранного происхождения, причем в самых разных объемах, формах, жанрах и т.д. На определенном этапе «привнесенное извне» стало в подавляющем большинстве сфер и ситуаций общественной и государственной жизни доминировать над «выросшим внутри», что в конечном итоге расшатывало общероссийскую идентичность и подрывало легитимность власти, вылившись в трагедию 1917 года.

Парадоксально, но сменившая самодержавие советская власть спустя семь десятилетий повторяет ту же ошибку: «отпустив вожжи» и приоткрыв «железный занавес», она не сумеет наполнить вновь возникший информационный вакуум концептами и смыслами собственного происхождения, понятными и приемлемыми для большинства населения – на этот раз весьма высокообразованного и почти повсеместно политически грамотного. В итоге информационные потоки, только теперь уже технологически более обеспеченные и содержательно более продвинутые, хлынут в страну и смоят все на своем пути – прежде всего казавшиеся незыблемыми основы советского общественного и государственного строя, прививавшиеся всем с младенчества ценности коммунистической морали, социалистического общежития, интернациональной солидарности и т.д.²

¹ И это особенно досадно, учитывая то, что монархическая государственность получала массу довольно четких сигналов на протяжении, как минимум, всего XIX столетия: появление первой организованной оппозиции в лице декабристов, зарождение общественных течений и их подпитка радикализмом (революционаризмом, марксизмом и т.д.) из-за рубежа, пробуждение этнических окраин и т.д. Сконструированная же правящими кругами идеология «самодержавия, православия, народности», призванная стать общенациональной, на поверку оказалась сложной для ее восприятия преимущественно неграмотными или полуграмотными массами и недостаточно обеспеченной ресурсами для продвижения в их сознание.

² Широко известны слова главы ЦРУ США А. Даллеса из составленного им в 1945 г. антисоветского плана («Размышления о реализации послевоенной доктрины против СССР»): «Посеяв там хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить. Как? Мы найдем своих единомышленников, своих

Иными словами, «глупость или измена», дважды повторившиеся в отечественной истории XX в. и приведшие к катастрофическим последствиям для общества и государства, ставят перед современной Россией, тем более с учетом всех реалий, вызовов, угроз и т.д. последнего времени, задачу осуществления такого политического курса в информационно-сфере, который бы органично сочетал в себе превентивность и инициативность, постоянное оттачивание форм и кропотливую работу над содержанием. Необходимо установление четких, а главное – разумных (с учетом цифровой трансформации и развития соответствующих передовых технологий) ограничений, эффективно действующих, а не превращающихся по большому счету в фарс (когда блокируемые полномочными органами сайты почти мгновенно открываются под видоизмененными, но по сути схожими названиями, в других доменных зонах и т.д.). Необходим конструктивный диалог государства со всеми видами СМИ, учет их специфики (в зависимости от форм собственности, жанрового своеобразия, целевой аудитории и т.д.), при необходимости – адресная поддержка на основе опять-таки четких правил. Необходимо, поскольку угрозы в информационной сфере становятся все более серьезными, многоплановыми и т.д., работа с широкими слоями российских граждан, содержательно и технологически дифференцируемая по половозрастным, социально-профессиональным, культурным, этноконфессиональным и пр. критериям. При этом последние должны быть динамичными, представлять собой объект постоянного мониторинга со стороны соответствующих государственных структур, ведь возможны размывания границ целевых аудиторий, их взаимоналожение и т.д.

Очевидно, что в эпоху всепроникающего Интернета, а также уста-
союзников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания... Литература, театры, кино – все будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства... В управлении государством мы создадим хаос и неразбериху. Мы будем незаметно, но активно и постоянно способствовать самодурству чиновников, взяточников, беспринципности. Бюрократизм и волокита будут возводиться в добродетель. Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркомания, животный страх друг перед другом и беззастенчивость, предательство, национализм и вражда народов, прежде всего вражда и ненависть к русскому народу – все это расцветет махровым цветом. И лишь немногие, очень немногие будут догадываться или даже понимать, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратим в посмешище, найдем способ их оболгать и объявить отбросами общества. Будем вырывать духовные корни, ополщать и уничтожать основы духовной нравственности. Мы будем браться за людей с детских, юношеских лет, главную ставку будем делать на молодежь, станем разлагать, развращать, растлевать ее. Мы сделаем из них циников, пошляков, космополитов» (цит. по: Держава. 1995. 9 октября). Можно, конечно, спорить об истинных намерениях автора этого документа, о тонкостях перевода и прочих нюансах, но очевидно, что именно так все и произошло в конце 1980-х – начале 1990-х гг.

новившихся практически повсеместно атмосферы морального релятивизма и культа потребительства никакие запреты и «глушилки», свойственные советскому времени, а тем более аргументация к «богобоязни», характерная для дореволюционного периода, не только не помогут, но и станут объектами критики и насмешек со стороны «либерального» сегмента общества, лишь раззадорят антигосударственные силы внутри страны и за ее пределами. А потому необходимо грамотно, усиленно и эффективно работать по всем фронтам, причем во всех смыслах этого слова: как весьма четко отметил Президент РФ, «в современном мире – всегда было так, но с учетом современных технологий это стало особенно актуальным и эффективным, информация – это тоже оружие борьбы, и информационные атаки – это один из видов, достаточно эффективных видов борьбы»¹.

Что касается содержательной части, то здесь, при первом приближении, с учетом разработанных и принятых к настоящему времени поправок в Конституцию РФ, а также целого ряда концептуально-доктринальных документов (стратегий национальной безопасности и противодействия экстремизму, доктрины информационной безопасности, стратегий в области молодежной политики, развития воспитания, семейной политики, государственной культурной политики, государственной национальной политики, развития информационного общества и т.д.), включая утвержденные Президентом РФ 9 ноября 2022 г. «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»², недостатка в принципиальных установках, смыслах, целеполагании и т.д. нет. Важно добиваться практического воплощения в жизнь основных положений данных документов, не допустить превращения их в пустые декларации, сведения их реализации к забюрократизированной «отчетной» рутине. Надеемся, что обязательное введение во всех российских школах еженедельной церемонии поднятия Государственного флага РФ и исполнения Государственного гимна РФ и урока «Разговоры о важном», а во всех вузах страны – учебной дисциплины «История России» с установленным минимумом аудиторных часов – лишь начало большой работы в этой сфере.

Что же касается части нормативной, то, с учетом уже неоднократно отмечавшегося реактивного характера законодательства в целом,

¹ Цит. по: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69935> (дата обращения: 01.12.2022).

² В частности, «Основами...» предусматривается «реализация государственной информационной политики, направленной на усиление роли традиционных ценностей в массовом сознании и противодействие распространению деструктивной идеологии», «поддержка проектов, направленных на продвижение традиционных ценностей в информационной среде», а также «защита от внешнего деструктивного информационно-психологического воздействия, пресечение деятельности, направленной на разрушение традиционных ценностей в России» (цит. по: <http://www.kremlin.ru/acts/news/69810> (дата обращения: 01.12.2022)).

необходима серьезная работа над систематизацией юридической базы в информационной сфере, включая постоянное уточнение содержания правовых норм, конкретизацию и оттачивание их формулировок. Возможно, следует закрепить фундаментальные основания правового регулирования данной области общественных и государственных отношений, разработав наконец-то единый Информационный кодекс РФ, который включил бы в себя все принятые ранее и сохраняющие свою актуальность нормы (начиная с закона о СМИ 1991 г.). Отдельные же специализированные законы и подзаконные акты необходимо подвергнуть серьезной ревизии на предмет их соответствия текущим условиям, исключив из них де-факто устаревшие и не работающие нормы. Причем эта ревизия должна опираться не только на всесторонний анализ сложившейся внутри- и внешнеполитической ситуации и вытекающих из нее информационных реалий, но и на научно обоснованный комплексный прогноз развития данной ситуации и обусловленных ею реалий в кратко-, средне- и долгосрочной перспективе. К примеру, предстоящая уже в самое ближайшее время необходимость правовой регламентации размещения мини-«дронниц» – этажерок для хранения способных передавать звуковую и проектировать на фасады зданий визуальную информацию, а равно разбрасывать содержащие ее бумажные носители над значительной по площади территории беспилотных летательных аппаратов («дронов») на витринах обычных газетных киосков – отнюдь не фантазия (проблемы юридического статуса беспилотников, правила и условия их продажи и т.д. уже вовсю прорабатываются представителями профессионального сообщества).

Несколько слов и по части организационной. Отнюдь не новы дискуссии о создании в структуре органов федеральной власти «министерства пропаганды», наделенного соответствующими этому названию функциями. На наш взгляд, в современных условиях пропаганда – лишь один из инструментов многоплановой государственной деятельности, которая связана не только с доведением информации до нужного адресата всеми доступными способами, но и с обеспечением качества этой информации, ее достоверности, соответствующего общенациональным интересам и стратегическим приоритетам¹ объема и содержания. А это и поддержание единства информационно-коммуникационного пространства страны², его устойчивого и поступательного развития. Это и обеспечение информационной безопасности, включая сохранение государственной тайны и предотвращение незаконных посягательств на критически

¹ См.: Федякин А.В. Национальные интересы и стратегические приоритеты общества и государства в современных концепциях и доктринальных документах Российской Федерации // Вестник Российской нации. 2017. № 3. С. 8–33.

² См.: Горбунов А.А. Факторы пространства и коммуникаций в политической истории России // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. 2008. Т. 150. Кн. 7. С. 7–15.

значимую инфраструктуру. Это и взаимодействие с гражданским обществом, налаживание и поддержание конструктивного диалога с различными социальными группами и рядовыми гражданами. Это и продвижение российской повестки, объективной информации о нашей стране на международной арене, как бы трудно это ни было в текущих условиях. И многое-многое другое. В общем, можно долго спорить о наименовании, структуре, штатной численности, функциях и т.д. такого ведомства, но бесспорно, что координирующий орган в сфере информационной политики государства необходим. Особенно учитывая то обстоятельство, что она осуществляется сегодня не только внутри страны и на международной арене, но и в чрезвычайных обстоятельствах военного времени, без всяких преувеличений.

Кстати говоря, опыт информационной политики, проводившейся в период Великой Отечественной войны, заслуживает более внимательного подхода, чем это было до недавнего времени. Например, сохраняют свой потенциал, при прочих равных условиях, некоторые принципы функционирования Совинформбюро (дифференцированная подача информации на внутреннюю и внешнюю аудитории, меры по нейтрализации пропаганды противника на временно оккупированных территориях и т.д.), обеспечение деятельности военкоров на передовой и в прифронтовой полосе, информационно-разъяснительная работа на предприятиях оборонной отрасли и пр. Стоит повнимательнее присмотреться и к опыту военных лет, связанному с организацией и оказанием информационного воздействия на целевые аудитории как союзных стран, так и недружественных государств, формированию в них соответствующего общественного мнения и т.д.¹ И, конечно, сохраняют свою актуальность меры по повышению информационной культуры граждан – пусть не в характерной для военных

¹ Вновь процитируем в этой связи слова И.А. Ильина, сказанные в 1948 г., но сохраняющие свою актуальность поныне: «...мы должны помнить, что другие народы нас не знают и не понимают, что они боятся России, не сочувствуют ей и готовы радоваться всякому ее ослаблению... Западная Европа нас не знает, во-первых, потому, что ей чужд русский язык... во-вторых, потому, что ей чужда русская (православная) религиозность... в-третьих, потому, что ей чуждо славяно-русское созерцание мира, природы и человека... Из всего этого выросло глубокое различие между западной и восточно-русской культурой... И притом наша душа открыта для западной культуры: мы ее видим, изучаем, знаем и если есть чему, то учимся у нее; ...у нас есть дар вчувствования и перевоплощения. У европейцев этого дара нет. Они понимают только то, что на них похоже, и то искажая все на свой лад. Для них русское инородно, беспокойно, чуждо, странно, непривлекательно... Они горделиво смотрят на нас сверху вниз и считают нашу культуру или ничтожною, или каким-то большим загадочным “недоразумением”... Поэтому с кем бы мы ни говорили, к кому бы мы ни обращались, мы должны зорко и трезво измерять его мерилом его симпатий и намерений в отношении к единой, национальной России и не ждать от завоевателя – спасения, от расчленителя – помощи, от религиозного совратителя – сочувствия и понимания, от погубителя – благожелательства и от клеветника – правды» (цит. по: Ильин И.А. Против России // Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 2. Кн. 1. М.: Русская книга, 1993. С. 62, 63, 64, 66–67).

лет форме политико-просветительских и им подобных мобильных агитбригад и посещавшихся в «добровольно-принудительном» порядке культмассовых мероприятий, но в обновленных формах, с использованием всех достижений научно-технического прогресса в информационной сфере, а главное – с доступным для широких слоев российской общественности контентом, объективным и убедительным.

Наконец, еще один принципиальный момент – обеспечение согласованности усилий власти в информационной сфере с другими важнейшими направлениями государственной политики, а также рациональное распределение и задействование имеющихся ресурсов и резервов, достигаемое в том числе путем сопряжения ключевых задач в смежных областях, при учете положительного опыта в них. Неслучайно цитировавшиеся выше «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» содержат следующее положение: «В целях сохранения и укрепления традиционных ценностей, пресечения распространения деструктивной идеологии реформы в области образования и воспитания, культуры, науки, средств массовой информации и массовых коммуникаций должны проводиться с учетом исторических традиций и накопленного российским обществом опыта при условии проведения широкого общественного обсуждения»¹.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Горбунов А.А. Факторы пространства и коммуникаций в политической истории России // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. 2008. Т. 150. Кн. 7. С. 7–15.
2. Федякин А.В. Национальные интересы и стратегические приоритеты общества и государства в современных концепциях и доктринальных документах Российской Федерации // Вестник Российской нации. 2017. № 3. С. 8–33.

REFERENCES

1. Gorbunov A.A. The factors of space and communication in the political history of Russia [*Faktyory prostranstva i kommunikacij v politicheskoy istorii Rossii*] // Scientists notes of Kazan state University. Humanities series. 2008. Vol. 150. No. 7. P. 7–15.
2. Fedyakin A.V. National interests and strategic priorities of society and the state in modern concepts and doctrinal documents of the Russian Federation [*Natsionalnyje interesy i strategicheskije prioritety obshchestva i gosudarstva v sovremennykh kontseptsijakh i doktrinalnykh dokumentakh Rossijskoj Federatsii*] // Bulletin of Russian nation. 2017. No. 3. P. 8–33.

¹ Цит. по: <http://www.kremlin.ru/acts/news/69810> (дата обращения: 01.12.2022).

КОНФЕРЕНЦИИ. СЕМИНАРЫ. СИМПОЗИУМЫ

VI Международная научно-практическая конференция "Современная наука, общество и образование: актуальные вопросы, достижения и инновации". Для участия материалы принимаются до 15 сентября 2023 года включительно.

VIII Международная научно-практическая конференция "Молодёжь, наука, образование: актуальные вопросы, достижения и инновации". Прием материалов осуществляется по 20 сентября 2023 г.

Международная научно-практическая конференция "Формирование и развитие новой парадигмы науки в условиях постиндустриального общества". Материалы для участия в конференции необходимо отправить до 15 сентября 2023 г.

Международная научно-практическая конференция "Общество, интеллект, инициатива в контексте междисциплинарных исследований". Окончание срока приема документов для участия - 15 сентября 2023 г.

РИНЦ XVII Международная научно-практическая конференция "Современные тенденции развития науки и мирового сообщества в эпоху цифровизации". Материалы для участия принимаются до 30 сентября 2023 г. включительно. DOI, Google Scholar

X Международная научно-практическая конференция "Актуальные аспекты развития науки и общества в эпоху цифровой трансформации". Окончание срока приема документов для участия - 2 октября 2023 г. DOI, Google Scholar

VIII Международная научно-практическая конференция "Молодёжь, наука, образование: актуальные вопросы, достижения и инновации". Прием материалов осуществляется по 20 сентября 2023 г. Конференцию будет проводить 20 сентября 2023 года Международный центр научного сотрудничества «Наука и Просвещение».

XXV Международная научно-практическая конференция "Роль культуры и искусства в социальном и гуманитарном развитии современного общества". Заявки на участие и статьи участия необходимо отправить до 22 сентября 2023 года (включительно). Конференция пройдет 23 сентября 2023 года в Казани.

I Всероссийская научная конференция "Прошлое в настоящем: образы прошлого в популярной культуре". Заявки на участие

просьба присылать до 1 октября 2023 года включительно. Конференция пройдет 16-18 октября 2023 года на базе Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

IX Всероссийская (с международным участием) научно-практическая конференция "Культура открытого города: брендинг территории". Чтобы принять участие в конференции необходимо заполнить заявку на участие и выслать ее вместе с текстом статьи до 3 ноября 2023 г. Конференцию проводит 7–10 ноября 2023 года Екатеринбургская академия современного искусства.

Всероссийская научно-практическая конференция "Язык. Личность. Культура". Для участия в конференции необходимо направить материалы до 10 сентября 2023 года. Состоится 5-6 октября 2023 года в г. Чебоксары на базе ФГБОУ ВО «Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева».¹

¹ Подробности на сайте <http://www.kon-ferenc.ru>

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ

Материалы для публикации в журнале «П.О.И.С.К» необходимо предоставлять в редакцию в бумажной виде и электронном виде, или отправлять на адрес электронной почты (info@журналпоиск.рф) двумя файлами: текст статьи в WORD и отсканированную рецензии в PDF.

Направляемые в журнал статьи необходимо оформлять в соответствии со следующими правилами:

1. **Объем рукописи не должен превышать 10—12 стр.** Формат страницы – А4, шрифт – Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – полуторный. Отступ первой строки абзаца – 1,25, поля на странице – 30 мм сверху и слева, 20 мм внизу и справа. Статьи должны быть напечатаны на одной стороне листа. Сноски — постраничные со своей нумерацией на каждой странице.

2. **Все знаки**, которые не могут быть напечатаны, должны быть разборчиво, крупно, черными чернилами вписаны в текст от руки.

3. **Формулы** размечаются и поясняются на полях рукописи. Все источники снабжаются библиографическими ссылками.

4. **Таблицы, схемы, графики, рисунки и другие иллюстрации** встраиваются непосредственно в текст статьи. Они должны быть пронумерованы и озаглавлены. При этом таблицы должны иметь заголовки, размещаемый над табличным полем, а рисунки — подрисуночные подписи. При использовании в статье нескольких таблиц и/или рисунков их нумерация обязательна.

5. Пронумерованный **список библиографии не должен превышать 1 стр.** (в алфавитном порядке, с указанием сначала источников на русском языке, далее — на иностранном), он дается в конце статьи.

В текстовом документе перед статьей обязательно должны быть:

- авторская справка на русском языке, где указываются: Ф.И.О. (полностью), официальное наименование места работы, должность, ученая степень и электронный адрес;

- аннотация объемом 10—15 строк на русском и английском языках;

- список 3—4 ключевых слов на русском и английском языках; каждое ключевое слово либо словосочетание отделяется от другого точкой с запятой;

Статьи, не оформленные в соответствии с требованиями, к публикации не принимаются.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений.

Публикуемые материалы могут не отражать точки зрения учредителя, редколлегии и редакции. Все материалы публикуются в авторской редакции.

Представляя в редакцию рукопись, автор берет на себя

обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Редакция принимает к рассмотрению рукописи статей только с рецензией специалиста соответствующей квалификации (кандидата или доктора наук).

Решение о публикации принимается в течение 2-х месяцев со дня регистрации рукописи в редакции. Научные статьи подписчиков журнала имеют приоритетное право публикации. Отвергнутые редколлегией статьи автору не возвращаются. Однако, по запросу автора, ему отправляется мотивированный отказ.

<https://www.rupoisk.su/>

RULES OF PUBLICATION:

Materials for publication in the journal "P.O.I.S.K" must be provided to the editor in the paper and electronic form, or send an e-mail address (info@журналпоиск.рф) two files: the text of the article in WORD and scanned reviews to PDF.

Guided journal articles must be drawn up in accordance with the following rules:

1. **The manuscript should not exceed 10-12 pages.** Page format - A4, font - Times New Roman, font size - 14, line spacing - one and a half. Indent the first line of a paragraph - 1.25, the fields on the page - 30 mm at the top and to the left, 20 mm at the bottom and the right. Papers should be typed on one side of the sheet. Footnotes - with its page-numbering on each page.

2. **All signs** that can not be printed, shall be legible, large, black ink written in the text by hand.

3. **The formulas** and are marked in the margin of the manuscript. All sources are supplied with bibliographic references.

4. **Tables, diagrams, graphs, pictures and other illustrations** are embedded directly in the text of the article. They must be numbered and titled. This table must have a title, placed above the table-field and figures - captions. When used in the article more tables and / or drawings of numbering required.

5. **A numbered bibliography should not exceed 1 pp.** (In alphabetical order, indicating the first source in Russian, then - foreign), it is given at the end.

To the article must be attached:

- Abstract volume of 10-15 lines in Russian and English;
- A list of 3-4 key words in Russian and English; each keyword or phrase is separated by a semicolon;
- The author's certificate in Russian and must include: Name (in full), the official name of the place of employment, position, title and email address.

Articles are not drawn up in accordance with the requirements for publication will not be accepted.

The authors are responsible for the choice and the accuracy of these facts, quotations, statistical and sociological data, proper names, place names and other information.

Published materials may not reflect the point of view of the founder, the editorial board and the publisher. All materials are published in author's edition.

Introducing the manuscript to the editors, the author undertakes not to publish it, in whole or in part in any other publication without the consent of the publisher. At a reprint the reference to the journal is obligatory.

The editors accept manuscripts for consideration only articles with a

review by qualified personnel (the candidate or PhD).

The decision on the publication shall be made within 2 months from the date of registration of the manuscript to the publisher. Scientific articles magazine subscribers have the priority right to publish. Rejected by the editorial board to author articles are not returned. However, at the request of the author, he sent a reasoned refusal.

<https://www.rupoisk.su/>

П.О.И.С.К.:
Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура
Научный и социокультурный журнал
Выпуск № 4(99)
Июль-Август 2023 г.

Перевод на англ. яз. дается в авторской редакции.

Учредитель
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Российский университет транспорта»

Издатель
РУТ (МИИТ)

Издание зарегистрировано
Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетель-
ство о регистрации ПИ № ФС 77 – 58210 от 05 июня 2014 года.

Индекс в каталоге «Пресса России»: 36938.
Выходит 6 раз в год.
Цена свободная.

Адрес редакции
Тел.: +7 (499) 394-30-48
Для простых почтовых отправлений: 127994, г. Москва,
ул. Образцова д.9 стр.9.

E-mail: abp-rut@yandex.ru
Сайт в интернете: www.rupoisk.su/